Исторія о принцѣ Солїи

65

N

2p 50w

THE LIBRARY OF CONGRESS

RARE BOOK COLLECTION

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS 1800

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

№ 37

ИСТОРІЯ
О
ПРИНЦѢ
СОЛІИ,
НАЗВАННОМЪ
ПРЕНАНІЕМЪ,
И О
ПРИНЦЕССѢ
ФЕЛЕѢ,

Сочиненная сыномъ Господина Кребильона.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Изданіе Второе.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова.
1788.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ГЛАВА 1. О обыкновеніяхъ и о нравахъ Солиніянъ и Амазонокъ, и о войнѣ, произходившей между сими двумя народами. - 1

— 2. Какъ Амазонки унесли Принца Солія, и какъ отъ того произошелъ бунтъ. - - - 9

— 3. Амазонки представляютъ Принца Солія своей Королевѣ; и по какому случаю дано ему имя Пренаній. - - - - 14

— 4. Беременность и свобожденіе отъ беременности Королевы Амазонской, и какимъ случаемъ маленькую Принцессу Фелеею назвали. - 18

— 5. Воспитаніе и достоинство Принцево; нравъ и воспитаніе Фелеи, и начала ихъ любви. - 20

— 6. Кто былъ Пренаніевъ соперникъ, и какимъ образомъ Пренаній изъяснился Принцессѣ. - - 25

— 7. Какъ надлежитъ отмщеніе чинить кривому, и какимъ образомъ Пренаній свободился нещастія по удачливомъ семъ предпріятіи. - - - - 35

— 8. Какъ Пренаній ушелъ въ одну ужасную пустыню, и какая щастливая ему тамъ была встрѣча. 41

— 9. Исторія о Саванъ-Иванѣ. - 46

Стран.

ГЛАВА 10. Описаніе города Азиніи, и какъ тамъ Пренанія приняли. - 53
— 11. Которая можетъ быть столькожъ скучна покажется, какъ и дѣла, кои въ ней представлены будутъ. - - - 59
— 12. Какъ Пренаній позналъ о Принцессиномъ состояніи по разлученіи съ нею, и какимъ образомъ оставилъ онъ Азиніянъ. - 66
— 13. Что встрѣтилъ Пренаній при возвращеніи въ Амазонію. - 74
— 14. Какая то была Нимфа, которая Пренанію на встрѣчу попалась; и какимъ новымъ способомъ выучила она его путешествовать. - - - 79
— 15. Завистныя дѣла, произходившія въ томъ замкѣ, въ которой Нимфа привела Пренанія; токмо не имѣлъ онъ въ нихъ никакого участія. - - 86
— 16. Прибытіе Нимфы и Пренанія въ станъ Короля Дондена, гдѣ усматривается, что бѣдные такъ же довольны, какъ и богатые. - 98
— 17. Способъ побѣждать непріятелей безъ бою; Нимфа оставляетъ Пренанія, одержавъ побѣду. - 107
— 18. Нещастіе, которое приключилось Пренанію отъ его неосторожности; и какимъ образомъ попался онъ въ такое государство, гдѣ жили старухи, - 112

ИСТОРІЯ
О
ПРИНЦѢ СОЛІѢ,
НАЗЫВАЕМОМЪ
ПРЕНАНІЕМЪ,
И О
ПРИНЦЕССѢ ФЕЛЕИ.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О обыкновеніяхъ и народахъ Солиніянскихъ и Амазонскихъ, и о войнѣ, произходившей между сими двумя народами.

Въ Южной Америкѣ находится одно озеро, которое и понынѣ еще Парамскимъ озеромъ называютъ, и лежитъ подъ самою линѣею. Сіе озеро походитъ гораздо на море, имѣя въ длину отъ востока къ западу болѣе ста, а въ ширину отъ сѣвера къ полудню больше осмидесяти миль.

На берегахъ сего озера къ сѣверной сторонѣ находился прежде сего великой городъ, называемый Солинія, котораго жители покланялися солнцу; а на другой сторонѣ стоялъ городъ Амазонской, гдѣ только мѣсяцъ почитали за Бога.

Сіи два разные народа долгое время за одинъ народъ считались; а несогласіе въ ихъ обычаяхъ и склонностяхъ подали поводъ къ явному разрыву.

Солиніяне почитались за грубой, скупой и своенравной народъ, а наипаче когда жены требовали, чтобъ они удѣляли имъ отъ своихъ сокровищъ. Они покланялися солнцу по тому, что думали, будто оно въ нѣдрѣ земномъ производило золото и дорогія каменья, которыя они находить старались. Они приписывали великія похвалы сему великому свѣтилу; называли оное матерію всѣхъ цвѣтовъ и плодовъ, и создателемъ всѣхъ сокровищъ въ свѣтѣ: сказывали, что глава его была изъ злата, которое чище всѣхъ металловъ, и котораго единое наслажденіе всѣхъ людей щастливыми дѣлало.

Ненависть, которую имѣли Солиніяне къ Амазонкамъ, простиралась до божества, которому они покланялись. Они сказывали, что надлежитъ быть глупу, ежели покланяться мѣсяцу, которой ни къ чему не былъ полезенъ; что сіе мнимое божество, сколько извѣстно, было очень непостоянно: ибо въ нѣкоторыя времена показывало оно рога всему свѣту, и тогда оно имѣло ротъ и щоки сухія, какъ у столѣтней старухи. Когдажъ полное свое лице являло, то имѣло широкой носъ и большіе страшные глаза. Они еще сказы-

зывали, что когда оно ночью посреди неба бѣгаетъ, тогда походитъ на человѣка, привязаннаго къ срубу, у котораго голова только видна, и та безволосая. Такимъ образомъ, когда разумъ ожесточенъ, то всякіе находитъ недостатки въ своемъ непріятелѣ.

Солиніяне построили великолѣпной храмъ въ честь солнцу, которому они покланялись. Сей храмъ строился болѣе осьми сотъ лѣтъ; потому что первенствующій жрецъ, которой взялся за сіе зданіе, имѣлъ великую охоту къ архитектурѣ, и желалъ, чтобъ веселіе его долго продолжалось.

Для служенія въ семъ храмѣ выбраны были такіе жрецы, у которыхъ волосы были кудрявые и стоячіе, дабы они тѣмъ болѣе уподоблялись тому богу, которому они служили. А первому жрецу необходимо надлежало имѣть сверьхъ того еще рыжіе волосы; какого иногда найти было трудно. Солиніяне всѣ свѣтила, выключая солнечное, такъ ненавидѣли, что когда солнце зайдетъ, тогда не только что при мѣсячномъ сіяніи ходить не дозволялось; но еще и всякой прочій свѣтъ употреблять запрещено было. И такъ сколь скоро день кончился, то каждой ложился спать и оставлялъ свои дѣла до утра. Такіе Солиніянскіе нравы, а наипаче ихъ сребролюбіе, Амазонкамъ никогда не нра-

вились. Хотя сіи женщины и одинъ народъ съ ними составляли; токмо для полученія отъ нихъ драгоцѣннаго каменья и уборовъ, чему сей полъ всегда былъ подверженъ, употребили они и натуральное свое искусство. Однако какія хитрости надлежало употреблять для удачливаго произведенія сего намѣренія, и какой трудъ прилагать надлежало, чтобъ имѣть участіе въ ихъ сокровищахъ?

Тогда надлежало имѣть осанистое тѣло, лестной голосъ, нѣжные и прелестные глаза, которыебъ и самое жесточайшее сердце умягчали, и возмущалибъ такихъ, которые только о щастіи помышляли. Но такимъ столь чувствительнымъ пріятностямъ надлежитъ происходить такъ благопристойно и разумно, чтобъ они съ любовію вдохнуть могли и почтеніе. Здѣсь разумѣется такое почтеніе, котороебъ всякой оказать старался, и кое бы не къ погашенію любви служило, но чтобъ оная отъ того наивящше могла усилиться.

Наконецъ дѣйствительно одинъ Солиніянецъ, боровшись долгое время со страхомъ, чтобъ не прогнѣвать своей прекрасной, принужденъ былъ учинить ей объявленіе. Хотя онъ говорилъ то съ уничиженіемъ, и наблюдалъ непорочность въ своихъ мысляхъ, что всегда и въ древнихъ Солиніянскихъ любовныхъ исторіяхъ наблюдалось; однако стыдъ, являющійся на

лицѣ

лицѣ красавицы, и неудовольствіе, которое изъ глазъ ея блистало, заставили Солиніянца думать, коль дерзость его была велика. Но за всемъ тѣмъ, надобно было еще употреблять прилѣжное исканіе; а притомъ добродѣтель, которая возбуждена была любезнымъ предметомъ, на все отважиться была въ состояніи. По нѣкоторомъ же времени, трудѣ и попеченіи, любовникъ удостоился вручить преданность сердца своего и всѣ сокровища.

Когдажъ дѣла однажды въ порядокъ пришли и въ договорахъ согласились, то какое средство должна была употреблять Солиніянка для сбереженія своея побѣды? Притворно являла такой безкорыстной и постоянной видъ, которой приводилъ въ восхищеніе. Сіе происходило для одного только угожденія любовнику, когда онѣ старались себя убирать лучше. Ежели лукавство въ натурѣ всѣмъ показать, то будто сіе для того, чтобъ больше ему чести сдѣлать, когда въ золотое платье и бриліанты убирались. Ежелибъ слѣдовали своему желанію, жили бы въ отдаленіи, желалибъ позабыть и остатокъ свѣта, а себя бы только въ ту веселость употребить старались, чтобъ любить и любиму быть: сколько хитрости употреблять надобно, чтобъ сохранить толь нѣжную страсть! Какое тонкое чувство и нѣжность надлежитъ тогда имѣть, когда все

безпокоитъ! Должно было чинить влюбленному Солиніянцу тысячу маленькихъ выговоровъ, которыебъ поводъ подавали къ жалкому и возбудительному примиренію; при чемъ бы отъ великой любви все прощать надлежало.

Тогда принуждены были подкрѣплять разговоръ разными изъясненіями своего мнѣнія. Сердце и всѣ движенія тутъ точно были изъяснены и свидѣтельствованы.

Тутъ чистая любовь отличалась отъ той, которая предпринималась съ намѣреніемъ, чтобъ удовольствовать чувства. Испытывали, какъ далеко оныя допущать къ тому можно. Чемъ больше Солиніянецъ въ сей физикѣ углублялся, тѣмъ болѣе любимымъ себя быть чаялъ.

И замужнимъ женщинамъ не меньше трудиться было надобно, чтобъ имѣть участіе въ мужнихъ сокровищахъ: надлежало имъ дѣлать притворной видъ преданности. Для исполненія всѣхъ ихъ желаній, принуждены были учиться познавать ихъ нравы и склонность, чтобъ приводить ихъ въ слабость, и женѣ надобно было увѣрять своего мужа, что онъ господинъ, и что поступаетъ она по его волѣ.

Правда, что большая часть сихъ женщинъ веселились тайно съ своими любовниками чрезъ труды, которые онѣ на себя принимали, и чрезъ похищеніе, которое онѣ чинили въ ихъ имѣніи.

На-

Наконецъ поступокъ сей показался имъ весьма труденъ. И такъ онѣ въ одинъ день овладѣвъ всѣми сокровищами, сколько возможно имъ было съ собою увезти, сѣвши на корабли, переѣхали чрезъ озеро, и на противолежащемъ берегу Солиніи построили столичной городъ великой имперіи.

Когда онѣ основали Амазонію: то посвятили городъ сей мѣсяцу, къ которому онѣ столько почтенія имѣли, что во всемъ по его теченію поступали. Въ семъ городѣ жили съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ. Солинія, которая наполнена была всякими богатствами, ни въ чемъ сему великолѣпному городу сравняться не могла, какъ въ красотѣ зданій, такъ въ дорогихъ уборахъ и въ блистательныхъ экипажахъ. Сіе поистиннѣ произошло отъ утраты Солиніянъ, что Амазонки чинили такіе расходы; токмо ужъ было не по прежнему, чтобъ посредствомъ вымышленныхъ угожденій и хитростей снабдѣвали онѣ ихъ въ такихъ роскошахъ; но сокровища Солиніи служили имъ добычею, которую онѣ явно дѣлали.

Амазонки для нападенія на своихъ непріятелей ополчились къ бою. И можно признаться, что грознѣе ничего вымыслить было не возможно, какъ ихъ одѣянія. Онѣ волосы свои очень коротко стригли, чтобъ они имъ не мѣшали. Нѣкоторой духъ, называемой Ютесъ, снабдилъ ихъ непроницательными шлемами, которые крѣпче были,

нежели сталь и алмазъ. Онѣ иногда мазали свое лице самыми алыми румянами, что ихъ больше страшными представляло. Древнія Термодонскія Амазонки жгли у себя прежде сего грудь, дабы больше способности имѣть къ стрѣлянію изъ луковъ. Чтожъ до сихъ принадлежитъ, то онѣ внутри горло у себя портили отъ великаго питья шампанскаго вина и крѣпкихъ ликеровъ: и такъ онѣ почти всѣ заблаговременно свободились своего ига. Онѣ имѣли такія фижмы, которыя отъ пояса до колѣна простирались: токмо такъ были широки, что не можно было безъ ихъ позволенія къ нимъ приближиться. А когдажъ онѣ четыре рядомъ стояли, то моглибъ заперетъ и такой проходъ, которой бы имѣлъ тритцать шаговъ въ ширину.

Онѣ не столь много ненавидѣли солнце, какъ Солнцѣ мѣсяцъ. Онѣ только сказывали, что отъ него самая хорошая краска въ лицѣ чернѣла. Чтожъ оно только днемъ ходило, сіе для того, что оно очень трусливо, и по ночамъ ходить боится. Потомужъ оно не весьма было разумно, что всегда одно пребывало и ни съ кѣмъ не зналось. Напротивъ же того мѣсяцъ имѣлъ такую физіогномію, которая съ пріятность и благосклонность всегда изъявляла. Онъ былъ въ бесѣдѣ и со звѣздами, которыя безъ сомнѣнія съ нимъ завистное обхожденіе имѣли. Онъ временемъ

встрѣ-

встрѣчался съ солнцемъ, и спиною къ нему обертывался; чего солнце противъ его никогда учинить не смѣло.

Сіе божество имѣло храмъ въ Амазоніи такъ же великолѣпной, какъ и солнце въ Солиніи. Въ служеніе къ сему божеству избирали такихъ, которые имѣли блѣдное лице и круглыя щеки, а притомъ и долголицыхъ съ плоскими щеками; и таковыхъ отъ всѣхъ должностей освобождали.

Съ того времени, какъ Амазонки войну объявили, то она съ обѣихъ сторонъ продолжалась съ равною горячностію. Токмо сіи Героини, которыя ходили днемъ и ночью, не за велико то ставили, чтобъ побить своихъ непріятелей при сіяніи мѣсячномъ, или разграбить ихъ домы съ зажженными факалами. Такимъ образомъ онѣ всегда имѣли выигрышь предъ Солиніянами, которые ничего предпринять были не въ состояніи по захожденіи солнца, и закрывали всегда глаза свои, когда видѣли зажженную свѣчу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Какъ Амазонки унесли Принца Солія; и какъ отъ того произошелъ бунтъ.

Король Солиніянской былъ мужъ почтенія достойной, изрядно управлялъ своими подданными и хорошо наблюдалъ свою пользу. У него была добродѣтельная жена,

которая всегда поступала равномѣрно. Отъ супружества ея имѣлъ онъ одного сына, которому около двухъ лѣтъ было.

А понеже хотѣли Принца Солія (такъ назывался младенецъ) сдѣлать великимъ человѣкомъ: то какъ скоро онъ отсталъ отъ кормилицы, отдали его въ руки солнцевымъ жрецамъ, чтобъ заблаговременно научить его познавать затмѣнія мѣсяца.

Жрецы спали въ храмѣ, а Принцова колыбель стояла посреди ихъ подъ великимъ бархатнымъ балдахиномъ, которой украшенъ былъ золотомъ. Въ одну ночь, когда всѣ жрецы спали, и во всемъ городѣ ни лампады ни свѣчи не было, нѣсколько Амазонокъ учинили вылазку на берегахъ Солиніи, и ворвавшись въ храмъ, гдѣ всѣ спали, унесли молодаго Принца, такъ что никто не догадался; ибо ночь очень была темна, и только слышенъ былъ одинъ младенцевъ вопль. Подумали, что ему какой нибудь припадокъ сдѣлался. Одинъ изъ жрецовъ пошелъ его осязять (ибо видѣть было не возможно), токмо ему нѣчто подъ ногу попало, отъ чего онъ упалъ и носъ разшибъ. Убоясь, чтобъ еще хуже не сдѣлать, пошелъ опять спать, не сказавъ ни слова.

Поутру, когда не обрѣли молодаго Принца въ его колыбели, то произходили стенанія по всему городу. Королева по причинѣ несмотрѣнія за ея сыномъ такъ же-

жестоко на жрецовъ осердилась, что приказала до одного всѣхъ обрить. Сіе жестокое осужденіе было исполнено; и сіи злочастные принуждены были болѣе шести мѣсяцовъ никуда не выходить, чтобъ народъ надъ ними не смѣялся; отъ чего у нихъ никогда такихъ хорошихъ и кудрявыхъ волосовъ не выростало, какъ прежде у нихъ было.

Одинъ изъ сихъ бѣдныхъ узниковъ избѣжалъ сего наказанія. У него голова уже была намылена, и фершалъ только что брить было началъ, тогда онъ выпросился говорить съ Королемъ и съ Королевою, и объявилъ, будто онъ имѣетъ открыть нѣкоторую важность Ихъ Величествамъ. Привели его въ большую дворцовую залу, гдѣ Король и Королева сидѣли посреди знатнаго Министерства имперіи. Королева держала въ рукѣ большой платокъ, которымъ она отъ времени до времени слезы свои отирала. Король такъжъ печалился, какъ и она, только не плакала

Солнцевъ жрецъ палъ при тронѣ ее колѣна; началъ оплакивать приключившуся нещастіе. Мыльная вода, которая сумъ въ глаза попадала, заставляла его плакать горчайшими слезами. По нѣкоторымъ краснорѣчивымъ разговорамъ сказалъ онъ я сдѣлалъ такой знакъ, по которому Принца найти можно, ежели онъ когда нибудь попадется. Королева обѣщала ему показать

свою

свою милость, ежели онъ то откроетъ. Я примѣтилъ, объявилъ онъ, бивъ плеткою маленькаго Принца за то, что онъ постелю замочилъ, что у него віолетной темной тюльпанъ на лѣвой лядьвѣѣ изображенъ былъ изрядно.

Кормилица, которую вскорѣ призвать велѣли, оное дѣло подтвердила; да и сама Королева сказала, что она вспомнила, что когда была беременна, то одинъ изъ Королевскихъ подданныхъ, которой любопытствовалъ тюльпаны, отказалъ ей тогда, какъ у него она просила одного тюльпана. И такъ она себѣ оной въ томъ же мѣстѣ назначила.

Сей знакъ вскорѣ написанъ былъ въ публичныхъ манифестахъ; на боку нарисованъ былъ тюльпанъ, такъ какъ жрецъ оной описывалъ, гдѣ онъ береженъ былъ радѣтельно. Кто такую великую услугу оказалъ государству, свобожденъ былъ отъ бритія головы. Что по томъ въ пословицу обратилось; ибо когда ково выбранить захотятъ, тогда обинякомъ говорятъ: *изрядно ему голову намылили*!

По томъ въ Совѣтѣ разсуждали, какія мѣры надлежитъ принять для избѣжанія подобнаго случая, когда Королева родитъ другое дитя. Голосъ разумнѣйшихъ былъ такой, что надлежитъ сдѣлать колыбель изъ крѣпкаго дерева, котораябъ у стѣны въ храмѣ стояла и закрывалась желѣзною

лѣзною рѣшешкою. Имперской Канцлерѣ былѣ шакого мнѣнія, чшобѣ всякой день прикладывашь большую печашь вѣ шомѣ мѣсшѣ, гдѣ рѣшешка будешѣ запираться; и ушверждалѣ, что никшо не осмѣлишся повредишь оную. Токмо Оберѣ-Шацмейсшерѣ на сіе мнѣніе жесшоко осердился, и желалѣ, чшобѣ заперешь шушѣ хорошимѣ замкомѣ. Канцлерѣ, по своему чину, не хошѣлѣ ему ушшупашь, но ушверждалѣ, чшобѣ колыбель запечашашь. Кѣ шому присообщилѣ, что можно, ежели захошяшѣ, шушѣ же посшавишь пасшь, чшобѣ попалась рука шѣхѣ, которые захошяшѣ Имперскую печашь похишишь. Пошивѣ сего послѣдняго мнѣнія еще спорили; шокмо Король, которой хошѣлѣ ушушишь всѣ несоглаєія между своими первыми Минисшрами, приказалѣ симѣ разнымѣ совѣшамѣ послѣдовашь. И шакѣ опредѣлено было, чшобѣ кѣ колыбели приложишь большую печашь, замокѣ и западню. И шакѣ всякѣ былѣ доволенѣ.

Однако всѣ сіи предосторожносши были безполезны; ибо Королева болѣе дѣшей не имѣла. Она скончалась вѣ два года по унесеніи Принца, а Король больше жьнишься не хошѣлѣ, хошя Королевскому колѣну ошѣ него и пресѣчься надлежало. Ошреченіе, которое онѣ учинилѣ о невсшупленіи во вшорично супружесшво, произходило ошѣ разумной полишики. Онѣ справедливо разсуждалѣ, что сына его не убили; и

шакѣ

такъ онъ можетъ когда нибудь возвратиться. Онъ опасался, чтобъ прочія его дѣти, ежели у него будутъ, не приняли престола въ отсутствіе старшаго своего брата, и чтобъ по возвращеніи его они ложно не оспорили знака, которой у него на лядвѣѣ былъ. Сіе будетъ, сказалъ онъ, причиною опаснаго слѣдствія въ государствѣ, и можетъ быть произведетъ кровопролитную войну между моими подданными. Разумному и просвѣщенному Государю предупреждать надлежитъ столь великія нещастія.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Амазонки представляютъ Принца Солія своей Королевѣ, и по какому случаю дано ему имя Пренаній.

Во время безпокойства, произшедшаго въ Солиніи по потеряніи молодаго Принца, Амазонки далеко отъ берегу уже находились. Онѣ молодаго Солія столько забавляли, что онъ ничего не плакалъ. Сіи прекрасныя лица, которыя щеголихъ въ совершенномъ блистаніи изображали, ему пріятнѣе казались, нежели грубые лбы прежнихъ его учителей. Человѣкъ имѣетъ склонность къ веселостямъ, въ какомъ бы возрастѣ онъ ни былъ; и естество въ самомъ младенчествѣ покажетъ разность между пріятными и непріятными предметами.

Спс-

Способной вѣтръ принесъ въ малое время въ Амазонскую гавань корабль, въ коемъ было такое великое сокровище. Амазонки, сошедъ съ корабля, принесли къ своей Королевѣ молодаго Принца. Онѣ застали сію Принцессу въ ея комнатахъ, когда она съ своими ближайшими листочки вырѣзывала. Нѣкоторыя нѣжно вырѣзывали самыя хорошія фигуры; другіяжъ мѣшали въ лакѣ разныя краски для основанія изрядной работы. Королева посреди ихъ надъ всемъ надсматривала и показывала, какъ лучше соединять фигуры и украшенія.

Королевѣ донесли, какой это былъ младенецъ, и какимъ образомъ сію дорогую добычу получили. Королева, оставя все, удивилась молодому Солію. Каждая дама обнимала его въ свою очередь. Онѣ радовались, что имѣли въ рукахъ своихъ сына, котораго отецъ первой имъ непріятель, а наипаче такого любви достойнаго младенца. Онѣ съ удовольствіемъ воображали себѣ печаль Соліянъ, и разсуждали съ великою радостію, что попалась имъ такая дорогая добыча.

Молодой Принцъ съ пріятностію усмѣхался при всѣхъ чинимыхъ ему ласкательствахъ, какъ будто бы онъ могъ чувствовать важность первыхъ свиданій. Онъ не могъ говорить, только пальцомъ указывалъ на вырѣзанныя фигурки, и показывалъ, будто тому дивится. Онъ тогда

аа-

заплакалъ, когда принесли его къ лаку. Онъ отъ природы не любилъ духу, смѣшаннаго съ терпентиновымъ спиртусомъ. Принуждены были его отъ того отнести; и такъ онъ успокоился.

Королева вознамѣрилась воспитать сего Принца; но хотѣла отъ всѣхъ утаить его достоинство и государство. Ежели онъ узнаетъ, сказала она своимъ Амазонкамъ, свою природу, то скоро отъ насъ уйдетъ; да когда и прочіе Солиніяне о томъ провѣдаютъ, не умедлятъ у насъ отнять такое дорогое сокровище. Присягните мнѣ, что вы никогда никому не объявите, ни самому Королю моему супругу, о достоинствѣ сего младенца. Всѣ Амазонки увѣрились, что Королева правду говорила, и учинили ей въ томъ крѣпчайшія присяги, что онѣ никогда не откроютъ такой важной тайности. Въ то же самое время вошелъ и Король вмѣстѣ съ Королевиною сестрою, называемою Акаріастою. Онѣ скоро побѣжали, удивляясь младенцу, котораго Королева на рукахъ держала. Королевина сестра съ нетерпѣливостію спрашивала, какой то былъ младенецъ. Въ тотъ часъ одна изъ Амазонокъ, которая конечно не очень была разумна, или безпамятна, отвѣчала: это молодой Пре... нѣтъ, нѣтъ! сказала она, удержавшись, это младенецъ... его нашли.... Я не знаю, кто онъ таковъ. Такъ для чегожъ

смѣ-

смѣшалась ты въ рѣчахъ, сказала Акаріаста, пожавъ плечами? Что это за-молодой Пренаній? Что за-младенецъ, и что за-вздоръ, которой ты наговорила? Королева стараясь поправить недознаніе своей повѣренной, сказала своей сестрѣ: это очень не трудно разумѣть. Сего младенца мои героини нашли подкинутаго на берегу озера, а имя его Пренаній; мы больше о томъ не знаемъ. Я теперь довольна, сказала Акаріаста: Пренаній мнѣ хорошъ кажется. Я симъ недоволенъ, говорилъ Король: но желаю о всемъ удостовѣриться. Ежели сего младенца нашли подкинутаго, какъ вы сами сказываете; то какимъ образомъ можно было узнать его имя? Это весьма трудно, сказала Королева, сердясь о вопросѣ. У него на платьѣ привязана была цыдулочка, въ которой имя его было написано. Король опасаясь, чтобъ не осердить Королеву, не спросилъ, куда дѣвалась цыдулка. Велѣно было смотрѣть за Пренаніемъ, которой воспитываемъ былъ Королевиными фрейлинами подъ именемъ, которое дано внезапнымъ случаемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Беременность и освобожденіе отъ времени Амазонской Королевы; и какимъ случаемъ маленькую Принцессу Фелеею назвали.

Король имѣлъ причину опасаться Королевина гнѣва. По учрежденному узаконенію въ Амазонской имперіи, женщины были главными повелительницами; а мужья ихъ почитались какъ первые изъ домашнихъ служителей. Королева при семъ изрядномъ преимуществѣ поступала какъ разумная владѣтельница. Она столь много была остроумна, что мужъ ея взгляду боялся.

Сія Принцесса была тогда сорока лѣтъ, когда Принцъ Солій во власть къ ней попался. Она уже имѣла четырехъ супруговъ, съ которыми у нея дѣтей не было; и за то она ихъ отъ себя согнала. Сіи четыре прежніе супруга сердились, что не были господами, и хотѣли отмстить за гордость Королевѣ чувствительнѣйшимъ образомъ для женщинъ, то есть презрѣніемъ. И такъ всегда, какъ она приказывала имъ приходить спать въ комнаты, они въ томъ такъ осторожны были, что приказовъ ея никогда не исполняли. Наконецъ обрѣла она въ пятомъ мужѣ достойнаго супруга, которой чрезъ изобрѣтеніе очковъ показалъ имперіи великую услугу. Онъ нашелъ удивительное сіе изобрѣтеніе,

смо-

смотря сквозь бутылку. Онъ такія стекла дѣлалъ, которыя мѣсяцъ приближали и оной увеличивали; что ему привлекало любовь у всего народа. Онъ и такія дѣлалъ, которыя предметы увеличивали и которыми Королева пользовалась; ибо у нея зрѣніе очень было худо, потому что она много плакала о томъ, что первые мужья ее презирали. Королева по томъ очреватѣла, и не возможно описать той радости, которую въ Амазоніи при семъ случаѣ всѣ почувствовали. Сначала приносили въ мѣсяцовъ храмъ великія жертвы, чтобъ упросить у сего божества, дабы Королева родила Принцессу. Всѣ Амазонки просили своихъ мужей привести ихъ въ такое состояніе, чтобъ они подражать могли Королевѣ; да и множество дѣвушекъ захотѣли слѣдовать сему обычаю. Ласкательство въ подражаніи Принцамъ имѣетъ и при всѣхъ Дворахъ въ свѣтѣ великую силу.

Когда время пришло родить Королевѣ, тогда выбраны были самыя искусныя повивальныя бабки, и сія Принцесса уже изъ комнаты не выходила. Она по томъ родила дочь, которая самое прекрасное маленькое и кругленькое лице имѣла. Весь Дворъ при такомъ случаѣ былъ въ собраніи. Король стоялъ тогда посреди комнаты и не говорилъ ни слова. Столь много объятъ былъ радостію! Когда Королева нѣсколько успокоилась, спросила своихъ

очковъ, и приказала, чтобъ принесли къ ней маленькую Принцессу для разсматриванія. Но какъ взяла ее къ себѣ на руки, то очки, которыя у нее на носу были, чуть не упали. Королева опустила дитя, чтобъ очки удержать, и такъ маленькая Принцесса упала на полъ. Ахъ, что это! вскричалъ Король, которой объ очкахъ столькожъ, какъ и о своей дочери сожалѣлъ; вотъ Принцесса Фелея! Но по щастію дитя упало на коверъ подъ ноги, и ничемъ не ушиблось. Въ обычаѣ было, что дѣти всегда имена отъ своихъ отцовъ получали; но тогда почли первыя Королевскія слова за щастливое предвѣщаніе. И такъ имя Фелеи дано было Принцессѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Воспитаніе и достоинство Принцопо; нравъ и воспитаніе Фелеино, и начало ихъ любви.

Четырнатцать лѣтъ прошло, въ кои при Амазонскомъ Дворѣ не произошло ничего достопамятнаго. Пренаній, котораго Принцомъ не почитали, возрасталъ у Королевиной повѣренной. Въ двѣнатцать лѣтъ сталъ онъ всѣхъ проворнѣе и хитрѣе. Онъ совершенно зналъ прыгать по деревьямъ и играть мячомъ. Сіежъ значитъ остроту его разума и крѣпость грудей его, когда онъ выдумалъ трубку, что духомъ стрѣ-

ляе

ляютъ, изъ которой онъ слишкомъ на двѣсти шаговъ горохомъ стрѣливалъ.

Въ шеснатцать лѣтъ постоянной видъ вступилъ на мѣсто великой живости; красота его тогда нѣсколько спала. Онъ не малъ былъ, но тонокъ: лице имѣлъ бѣлое съ природнымъ румянцомъ, пріятныя губы и носъ очень складной. Волосы черные до-пояса натурально у него завивалися; а брови такогожъ цвѣту украшали большіе глаза, которыхъ живость пріятное постоянство въ умѣренность приводило. И въ самомъ дѣлѣ Пренаній такъ остроуменъ былъ, что не много думавъ, могъ дѣлать все, что только до разумныхъ дѣлъ принадлежало.

Люди, одаренныя великимъ разумомъ, бываютъ по большей части критики, съ которыми трудно обходиться. А какъ они скорѣе всѣхъ усматриваютъ недостатки во всякомъ дѣлѣ, то по тому и чувствуютъ въ себѣ великое неудовольствіе. Нетерпѣливость, которая оттуда раждается, принуждаетъ ихъ изъяснять свои мнѣнія скоро и грубо; чемъ гордость прочихъ съ негодованіемъ уменьшаема бываетъ. Тѣжъ напротивъ того, которые не дальнаго разума, но ослѣпляются, думая, что очень остроумны, бываютъ еще больше несносны. Они думаютъ наградить свой недостатокъ притворнымъ и обманчивымъ видомъ, которой весьма ненавистенъ бываетъ; по-

тому что уже никакой справедливости въ такомъ человѣкѣ быть не возможно.

Пренаній не былъ подверженъ ни одному изъ сихъ пороковъ. Онъ былъ смиренъ и учтивъ; имѣлъ такой нравъ, что со всѣми пріятно обходился. Сіи свойства особливо приличны были такому городу, какова Амазонія, гдѣ женщины, имѣя всегда справедливое разсужденіе, совершенно повелѣвали.

Разумнѣйшимъ Амазонкамъ еще то весело было, что они учили молодаго Пренанія. Онъ научился у нихъ учтивымъ и непринужденнымъ манерамъ, вѣжнымъ мнѣніямъ съ воздержаніемъ, пріятнымъ взглядамъ безъ притвору; наконецъ въ семнатцать лѣтъ, онъ такъ совершенно все сіе зналъ, что въ состояніи себя находилъ цѣлой день одинъ съ женщиной разговаривать, такъ что ни ей, ни ему не скучалось.

Столько изрядныхъ качествъ, которыя въ семъ Принцѣ обитали, склонили къ нему сердце молодой Фелеи. Съ малолѣтства Пренаній носилъ ей воробьевъ изъ гнѣздъ. Онъ разшибъ окошко у Королевиной комнаты, стрѣляя горохомъ изъ своей трубки, такъ что никто не могъ догадаться, отъ чего то сдѣлалось; а Принцесса тѣмъ очень веселилась.

Какъ онъ нѣсколько подросъ, то взялъ на себя трудъ обучать танцовать ма-

маленькую постельную собачку Принцессы Фелеи. И ему удалось ее выучить съ тысячу хорошихъ и забавныхъ шутокъ, такъ что она никогда не визжала. Онъ очень искусно дѣлалъ обои, и подарилъ Принцессѣ пару туфель, сплетенныхъ собачьими узлами, которые онъ самъ сдѣлалъ, и которымъ въ пригожствѣ ничто не могло сравняться.

Не удивительно, что такой молодой и совершенной человѣкъ, получилъ себѣ всякое почтеніе отъ такой разумной Принцессы, какъ Фелея. Сія молодая особа воспитана была при такомъ Дворѣ, въ которомъ порядочное житіе и нѣжность совершенно знали. Она по щастію всѣмъ такимъ поведеніямъ съ добрымъ успѣхомъ научилась.

Природа начала ее одарять всѣми красотами, которыя пріятную особу составляютъ. Она была становита, груди ея были чрезвычайной бѣлизны и подавали добрую надежду. Она имѣла свѣтлые волосы; лице у нее было какъ полной мѣсяцъ, и такъ хорошо, что подобнаго нигдѣ не находилось. Хотя она еще и не въ лѣтахъ была вооружать себя по Амазонски, токмо чистая блѣдность лице ея чрезвычайно украшала. Она имѣла небольшій носъ, маленькія румяныя губы, глаза у нее были сѣрые, большіе, съ натуральною пріятностію и очень нѣжные.

Въ четырнатцать лѣтъ можно было ее почитать совершенною въ разсужденіи обычаевъ. Она умѣла безъ притвору усмѣхаться; говорила слабымъ голосомъ, которой прерывался такъ, какъ будто бы она не въ силахъ была произносить рѣчи. Она безпрестанно жаловалась съ несказанною пріятностію на нѣкоторые припадки, и часто въ обморокъ упадала несравненнымъ образомъ.

Что до нраву ея принадлежитъ, не можно было признать, какой она имѣла; потому что всегда волю ея исполняли и никто ей ни въ чемъ не противился. Она веселость любила, и веселость ей скучивала. Когда находилась она одна, тогда желала бесѣды; въ праздникъ же уходила она въ садъ, или удалялась въ свои комнаты. - Она съ природы любила нравиться, токмо не хотѣла никакого труда употреблять для того, чтобъ въ томъ удаться.

Пренаній обрѣлъ всѣ пріятности въ ономъ любезномъ безпритворѣ, такъ что слѣдовалъ всегда за Принцессою.

Временемъ пѣлъ онъ съ нею, а иногда вмѣстѣ забавлялись разными играми; временемъ же веселились онѣ тѣмъ, что другъ на друга безсловесно смотрѣли. Она у него требовала совѣту во всемъ, что она предпринимала; ибо онъ всегда съ мнѣніями ея былъ согласенъ. Когда Пренаній

наній оставлялъ Принцессу, то она видѣть его желала; а когда онъ при ней находился, то одинъ былъ онъ, съ которымъ ей не было скучно. Молодой Принцъ, котораго самыя хитрыя Амазонки усердно воспитали, увѣдомилъ Принцессу, что онъ для нее то чувствовалъ, что любовію называютъ. А какъ они одного мнѣнія были, то и Фелея призналась, что она его любитъ. Они весьма старались противиться такой лестной склонности: напротивъ того сердца ихъ совсѣмъ отдавались толь сладкой страсти. Тайность, которую они сохраняли, чтобъ не открылись роскоши, которыми они веселились, служила опытомъ, что любовь ихъ была справедлива.

Сіи два молодые любовника спокойно чувствовали, сколь пріятна первая склонность, которая только одна была справедлива! А между тѣмъ опасной соперникъ готовилъ Пренанію напасти, въ которыхъ онъ долгое время жертвою находился.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Кто былъ соперникъ у Пренанія, и какимъ образомъ Пренаній изъяснялся Принцессѣ.

Хотя сей соперникъ не болѣе какъ семнатцати лѣтъ былъ; но и по всѣмъ правамъ уже давно надлежало ему умереть.

Онъ былъ сынъ Акаріасты, Королевиной сестры. Между Амазонками такое было узаконеніе, чтобы всѣхъ младенцевъ мужескаго полу изъ Королевской фамиліи при самомъ ихъ рожденіи предавать смерти. Ибо Амазонки опасались, чтобы они не присвоили себѣ той власти, которая въ семъ государствѣ отдавалась женщинамъ.

Акаріаста, желая спасти своего сына, ежели у нея родится, удалялась во время своея беременности въ замокъ, которой она имѣла на берегу озера. А какъ у нея родился сынъ; то послала она къ Королевѣ одну дѣвочку, которая по близости отъ ея комнатъ, тѣмъ же временемъ родилась, и приказала сказать, что она сама ее родила. Намѣреніе ея къ тому клонилось, чтобъ сію маленькую дѣвочку послѣ подмѣнить на сына, и возрастить бы сего Принца въ противномъ полу его платьѣ. Въ то время приключилось великое нещастіе. Не усмотрѣли, что та маленькая дѣвочка, которую принесли къ Королевѣ, только однимъ глазомъ на свѣтъ смотрѣла: и что Королева прежде всѣхъ то примѣтила. Ахъ мѣсячное лице! вскричала она; токмо какъ жалостно, что племянница моя объ одномъ глазѣ! Ежелибъ не то, у нея бы наилучшіе глаза были въ свѣтѣ. Кормилица хотѣла увѣрить Королеву, что она обманывалась; однако учинилось сіе въ присутствіи всего Двора. По

тому, какъ скоро сего младенца назадъ принесли къ Акаріастѣ, и когда она хотѣла только сына своего вмѣсто ея оставить; тогда необходимо надобно было глазъ у него выколоть.

Королевина сестра весьма печалилась, что того не досмотрѣла. Она жестоко ругала всѣхъ своихъ дамъ: но перемѣнить того было не возможно. Онѣ нашли искуснаго человѣка, которой весьма осторожно глазъ у маленькаго Принца выкололъ; и назвали дитя *Солокулемъ*; которое имя мальчику и дѣвочкѣ прилично было.

Солокуль, которой воспитываемъ былъ за Королевину племянницу, возрасталъ при Дворѣ вмѣстѣ съ Принцессою Фелесею; и комнаты у нихъ были не въ дальномъ разстояніи. Онъ очень былъ складенъ; волосы у него были свѣтлые; собою нѣженъ; видъ токмо имѣлъ гордой и упрямой, что всегда изображало такихъ людей, которые малой разсудокъ имѣли.

Когда онъ сталъ пятнатцати лѣтъ, волосы появились на щекахъ его, что заставляло имѣть нѣкоторое подозрѣніе въ обманѣ, учиненномъ его матерію.

Королева говаривала о томъ своей сестрѣ; токмо она съ великою гордостію не вѣрила сей важности; а объявляла, что много есть такихъ женщинъ, которыя не меньше волосъ въ бородѣ имѣютъ, какъ и мущины. И такъ ежелибъ они брились, вмѣсто

сто того, чтобъ вырывать; тобъ волосы у нихъ такъ же жестки были, какъ и у мущинъ.

Акаріаста, чтобъ успокоить духъ въ Королевѣ, велѣла объявить, что она великое дастъ жалованье всѣмъ тѣмъ женщинамъ, у которыхъ есть бороды и которыя ко Двору пойдутъ. Оныхъ такъ много пришло, что Королева и Принцесса сестра ея опять чрезъ то увѣрились.

Изъ оныхъ нѣкоторыхъ удержали, а особливо которыя были молоды и хорошія имѣли бороды, надѣясь чрезъ то еще лучшей успѣхъ имѣть: прочихъ же назадъ отпустили, давъ по достоинству каждой довольное награжденіе.

Между тѣмъ время всегда новыя подозрѣнія придавало. Борода у ложной Принцессы отчасу больше прибавлялась, и оберъ-фершеръ имперіи утверждалъ подъ смертною казнію, что сія борода была муская. Народъ въ сіе дѣло вступился: и въ Амазоніи чрезъ гаданіе на кофіи великія партіи сдѣлались. Одни закладывались, что Солокуль имѣетъ бороду женскую; а другіе утверждали, что мускую. Но притомъ многіе, кои никогда мнимой Принцессы не видывали, склонились какъ къ однимъ, такъ и къ другимъ мнѣніямъ; и оныя жестоко подтверждали, чтобъ не остаться посредственниками при такой великой ссорѣ!

Не

Не смотря на все то, своенравіе Королевиной сестры превзошлобъ всѣ публичныя разглашенія и мнѣніе дворцоваго оберъ-фершера, которой по видимому не въ великой былъ повѣренности у Двора. Но со всемъ тѣмъ, одинъ маленькой случай Принцову тайну учинилъ откровенною. Сіе нещастіе въ томъ состояло, что двѣ съ бородами камеръ-фрау, которыя отданы были Солокулю, въ тожъ самое время обрюхатѣли, хотя онѣ отъ его комнаты и никогда не отлучались.

Тогда надлежало о томъ только стараться, чтобъ утишить Королевинъ гнѣвъ, и самъ Солокуль просилъ у нея живота такими побудительными словами, что она сама на то сжалилась. Одно тщеславіе можетъ принудить женщину отдать на жертву младенца; но естественное побужденіе препятствовать ей будетъ въ томъ, что какъ предать такое дитя, которому уже семнатцать лѣтъ? Когда Солокуль милость ея къ себѣ получилъ, тогда вздѣлъ на себя такое платье, которое мужескому полу прилично было. Ему отвели покои въ отдаленіи отъ двоюродной его сестры. А понеже дѣло щастливо окончалось, то тѣ двѣ камеръ-фрау, которыя чрезъ свою беременность такую важную тайну открыли, такъ знатно награждены были, что прочія много сожалѣли, что и онѣ къ такому изрядному откровенію не споспѣшествовали. Сіе

Сіе столь завистное признаніе было великимъ ударомъ для Пренанія; ибо онъ догадался, что Солокуль влюбленъ былъ въ свою двоюродную сестру. Въ то время, какъ сей Принцъ почитался за дѣвушку, комната его была очень близко отъ Принцессиной спальни. Вольное обхожденіе, которое между двумя сродственниками происходило, частые сея Принцессы обмороки, приключившіеся съ двумя камеръ-фрау случаи, и множество другихъ размышленій, которыя обыкновенно любовникъ себѣ воображаетъ, жестоко Пренанія безпокоили.

По томъ увидѣлъ онъ въ саду Принцессу. Дамы отъ нея въ то время отлучились. Онъ вознамѣрился спознать, какого она была мнѣнія о Солокулѣ.

Употребилъ всѣ свои силы, чтобъ узнать, не влюбился ли онъ въ нее. Углубясь въ своихъ мнѣніяхъ, подошелъ къ ней, и гулялъ съ нею нѣсколько времени, не говоря ни слова. Принцесса подумала, что онъ сидя говорить станетъ. Она вошла въ одну густую бесѣдку, гдѣ Пренаній подлѣ ея сѣлъ на одной изъ дерну сдѣланной постелѣ; однако и тогда ничего не говорилъ, и довольствовался тѣмъ, что на нее смотрѣлъ.

Фелея сдѣлала ему выговоръ за его молчаніе. Какъ! сказала она ему; вы всегда мнѣ многія вещи разсказывали, а теперь

перь такъ смутны и въ такомъ глубокомъ молчаніи, которое меня въ удивленіе приводитъ. Не безпокоитъ ли васъ что, дражайшій мой Пренаній? Скажите мнѣ, что васъ опечаливаетъ? Я ни о чемъ не печалюсь, отвѣчалъ Принцъ; только о томъ думаю, что желалъ бы лучше быть дѣвушкою для того только, чтобъ вы больше меня любили. Насмѣхаетесь, сказала Принцесса; хотябъ вы такою были дѣвушкою, какъ моя мамка, и тогда бы я не больше васъ любила. Да развѣ дѣвушекъ больше любятъ, нежели мущинъ? Безъ сумнѣнія, отвѣчалъ Принцъ. Я совершенно знаю, что ежелибъ на прикладъ Солокуль до сихъ поръ былъ дѣвушкою; то бы вы больше его любили, нежели нынѣ. Увѣряю васъ, что я противнаго мнѣнія, отвѣтствовала Принцесса. Я въ немъ тогда еще меньше разума находила, нежели теперь. Онъ безпрестанно мнѣ говаривалъ то, чего я разсудить не могла. А какіе тѣ были разговоры? сказалъ съ восхищеніемъ Пренаній. Не знаю, сказала Принцесса, не позабыла ли я уже ихъ. Онъ говаривалъ мнѣ, что я хороша; но что онъ не хотѣлъ бы на моемъ быть мѣстѣ, пока бы я на его не побывала. Хотѣлось ему повѣрить мнѣ ту тайность, которую онъ имѣлъ. Опять желалъ, чтобъ я и ничего о томъ не знала. Вы теперь сами видите, что въ разговорахъ сихъ никакого

нѣтъ

нѣтъ разуму. Сіи загадки, сказалъ Пре-наній, не легко было отгадывать. Токмо онъ всегда при васъ находился, говорилъ Принцъ, и всегда былъ вашимъ товарищемъ. Какъ онъ былъ щастливъ! Онъ дѣлалъ вамъ всѣ тѣ услуги, которыя молодой пріятельницѣ оказывать надлежало. Меня это никогда не прельщало, отвѣчала Принцесса. Напротивъ того онъ столько былъ неискусенъ, что не могъ никогда безъ того меня зашнуровать, чтобъ разговорами своими меня не обезпокоить: надлежало всегда два, или три раза переправлять. Случилось одинъ разъ, что онъ поутру ко мнѣ въ комнату пришелъ; я тогда была одна, лежала на постелѣ. Онъ такъ хлопнулъ дверью, что ключь упалъ на земь. Хотѣлъ чрезъ то препятствовать, чтобъ мамка, которая мнѣ завтракать несла, не могла войти. Наконецъ долженъ былъ онъ самъ ей отпереть. Но Преваній сказалъ съ нетерпѣливостію: а когда вы въ обморокъ упадали, въ такое время не случилось ли ему при васъ быть, и не желалиль вы, чтобъ онъ вамъ подавалъ помочь? Ему одинъ разъ только случилось у меня быть, сказала Принцесса, когда я въ обморокъ упала. Тогда была еще при мнѣ и моя мамка, которая его просила, чтобъ онъ принесъ мелисовой воды. Онъ желалъ, чтобъ она сама за нею пошла. Пока они спорили,

я принуждена была сама собою очувствоваться и безъ всякой помощи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ мнѣ эту шутку сдѣлалъ, и понынѣ терпѣть его не могу. Однакожъ говорятъ, что онъ васъ любитъ, сказалъ Пренаній, увѣрившись не много. Это правда, отвѣчала Принцесса: онъ мнѣ самъ то сказывалъ; но вы меня также любите. Правда, сказалъ Принцъ; я въ томъ вамъ клянуся; думаю, что и вы о томъ не сомнѣваетесь. И такъ, сказала Принцесса, я однихъ только васъ люблю; а чтобъ васъ удостовѣрить, просить буду Королеву, чтобъ сочетать насъ бракомъ. Ахъ! не говорите ей о томъ, сказалъ съ нетерпѣливостію Принцъ. Не откроемъ никому нашей любови; можетъ быть намъ въ томъ возпрепятствуютъ; и такъ отчаяніе доведетъ меня до гробу. Такъ я не буду о томъ говорить, сказала Фелея, пока больше не выросту; а до тѣхъ поръ, прошу ни въ чемъ меня не оставить. Я тѣмъ всегда довольна, что васъ вижу. Какъ скоро вы покажетесь, то нѣкоторая сладкая забава пріятно меня оживляетъ: когда вы подлѣ меня сидите, мнѣ еще хочется къ вамъ придвинуться. Ужасная печаль объемлетъ меня, какъ скоро вы удалитесь; ежели хотите получить отъ меня все то, что я дражайшаго ни имѣю, погрозите только мнѣ своимъ нерадѣніемъ. Вы меня научили, что-то есть

любовь, не будьте ревнивы, дражайшій мой Пренаній; ибо отъ васъ только однихъ чувствую въ себѣ такія движенія, которыя меня прельщаютъ. Пренаній, слышавъ сіи слова, думалъ умереть отъ радости. Онъ держалъ у Принцессы руку, которую между тѣмъ цаловалъ многократно. Вы теперь мое самое состояніе описываете, сказалъ онъ, когда мнѣ о своемъ разсказываете. Смертное уныніе снѣдаетъ меня, ежели васъ только полдня не увижу. Когда я безъ васъ, то безпрестанно думаю, что вы дѣлаете; и сіе самое попеченіе о всемъ, что до васъ принадлежитъ, производитъ во мнѣ ревность, которую теперь къ вамъ оказалъ. Я представлялъ себѣ Солокуля, удивляющагося вашей красотѣ, которой всеминутно наслаждаться могъ видѣніемъ всего того, что я очень любилъ чрезвычайно. Я вообразилъ себѣ, что Принцесса моя въ заблужденіи готовилась наградить его за притворную его дружбу тѣмъ, что одной только любви моей принадлежало. Однако сами вы прилагали попеченіе, чтобъ искоренить во мнѣ подозрѣнія. Какъ много любовь ваша имѣетъ сладости, дражайшая моя Принцесса, и какъ она судьбину мою совершенною дѣлаетъ! Соединимъ духъ нашъ навѣки. Сердце мое приходитъ во уста ко мнѣ, и заставляетъ увѣрить васъ, что я вѣчно вамъ буду вѣренъ. Фелея лежала тогда

на

на рукѣ у Пренанія, которой столь много восхищенъ былъ, что ничего не чувствовалъ. Началъ цаловать Принцессу; и тогда только увидѣлъ, что она въ обморокѣ. Въ самое то время искалъ онъ Аглинскую свою соль въ карманѣ у Принцессы, и въ великой пришелъ безпорядокъ, когда не находилъ оныя. Онъ положилъ голову молодой Фелеи на дерновую постелю, и поспѣшно выбѣжалъ, чтобъ просить помощи. По щастію вѣрная мамка была не въ отдаленіи, и прибѣжала на его крикѣ; привела въ чувство свою молодую госпожу, которую Пренаній взялъ за руку, и опять тихонько проводилъ въ комнаты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ надлежитъ отмщеніе чинить хрипому, и какимъ образомъ Пренаній споводится нещастія по удачномъ семъ предпріятіи.

Между тѣмъ Солокуль, влюбясь въ Фелею и усмотрѣвъ, что и Пренаній ей не противенъ былъ, искалъ всякимъ образомъ досаждать ему. Онъ съ увѣренностію похвалялъ красоту Принцессину, и нарочно всегда о томъ при своемъ соперникѣ говаривалъ. Онъ выхвалялъ проворство ногъ, и пригожую Фелеину грудь, въ которую онъ прельщался. Принцесса по натураль-

ной ея полу склонности, хотѣла всѣмъ нравиться, и не сердилась, слыша такія похвалы; хотя и не любила того, кто ей оныя приписывалъ. Пренаній подумавъ, что къ Солокулю Принцесса склонна, пришолъ въ отчаяніе.

Онъ съ своей стороны чинилъ Принцу столько досады, сколько вымыслить было возможно; поколику Солокуль былъ кривъ: то Пренаній такъ дѣлалъ, что когда они всѣ вмѣстѣ гуляли, онъ всегда Принцессу по ту сторону пущалъ, съ которой у Солокуля глаза не было, дабы онъ по желанію своему не всегда на нее смотрѣть могъ. Солокуль отчаялся ее видѣть; потому что всегда ему надобно было голову поверчывать.

Не взирая на то, онъ безпрестанно смотрѣлъ на Принцессу, хотя и однимъ глазомъ могъ ее видѣть; а Пренаній столько тому возревновалъ, что вознамѣрился совсѣмъ его слѣпымъ сдѣлать. А чтобы отъ того не произошло чего худаго, и чтобъ совершить свое намѣреніе; то выбралъ онъ такое время, когда Солокуль былъ на охотѣ съ Принцессою своею матерію, съ Королевою и съ Принцессою Фелеею. Онъ взялъ долгую свою трубку и цѣлой карманъ гороху: влѣзъ въ рощѣ на высокое дерево въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всѣмъ надобно было собраться полдничать.

Когда

Когда весь Дворъ сѣлъ на траву, Пренаній стрѣльнулъ первою горошиною, которою Солокуля задѣлъ по носу. Онъ сердитымъ образомъ говорилъ Принцессѣ: прошу перестать, сестрица, и не бросать хлѣбными катышками въ лицо. Я ничемъ въ васъ не бросала, сказала Принцесса; конечно вы бредите. Я то гораздо чувствовалъ, отвѣчалъ Принцъ. Между симъ споромъ Пренанію такъ смѣшно было, что не могъ сжать губъ, чтобъ выстрѣлить. По томъ, какъ смѣхъ прошолъ, онъ пустилъ вторую горошину, и столько щастливъ былъ, что совсѣмъ здоровой глазъ у Солокуля выстрѣлилъ.

Въ то самое время Принцъ сей испустилъ наипронзительнѣйшій вопль. Акаріаста мать его пришла въ отчаяніе: всякой старался помогать Принцу, у котораго много крови текло изъ глазу. Пренаній съ крайнимъ удовольствіемъ сидѣлъ на деревѣ, и ничемъ не шевелился. Никтобъ его не увидѣлъ, ежелибъ по нещастію карманъ у него не прорвался, изъ котораго горохъ началъ сыпаться и падать на всю компанію. Нѣкто поднявъ голову, увидѣлъ, что бѣдной Пренаній сидѣлъ на деревѣ.

Королева тогожъ часу приказала его подъ караулъ взять; а Акаріаста хотѣла, чтобъ его смерти предали. Разсудите, въ какомъ состояніи была тогда Принцесса Фелея, когда видѣла, что любов-

бовникъ ея въ превеликой опасности находится. Она при другихъ случаяхъ часто падала въ обморокъ, токмо скрѣпила себя при семъ случаѣ.

Героини, которыя безотлучно при Королевѣ находились, хотѣли влѣзть на дерево, чтобъ поимать виноватаго; но поколику всѣ онѣ имѣли большія фижмы, то ничего не могли сдѣлать.

Послали за камеръ-пажами, которые на то дерево влѣзли, но труды ихъ были тщетны; ибо роща была очень густа: и когда хотѣли поимать Пренанія, тогда онъ хватался за ближнія вѣтьви и перепрыгивалъ такимъ образомъ съ дерева на дерево. Бѣдные пажи напрасно трудились: остатокъ дня препроводили симъ ловленіемъ. А какъ ночь пришла, то принуждены были оставить виноватаго, которой тутъ же въ одно великое дупло спрятался. Велѣно было поставить нѣсколько часовыхъ въ лѣсу, а Дворъ возвратился оттуда съ великою печалію въ такомъ намѣреніи, чтобъ послать на самомъ разсвѣтѣ поимать Пренанія.

Фелея удалилась отъ всѣхъ въ свою комнату. Мамка, которая при ней тогда находилась, знала, сколько она Пренанія любила. Тогда Принцесса множество слезъ проливала. *Дорогаго моего любовника*, говорила она, *предадутъ смерти. Солокулева мать никогда его не проститъ*;

сіе

сіе больше въ отчаяніе меня приводитъ, что онъ претерпитъ обѣщанную ему смерть за то, что много меня любилъ. Онъ не хотѣлъ, чтобъ Солокулъ глядѣлъ на меня. Я одна причиною столь дерзкаго предпріятія.

Не изволь, сударыня, такъ жестоко печалиться, сказала разумная ея мамка: Пренаній живъ; потому что онъ еще не въ рукахъ у Акаріасты. Станемъ препятствовать, чтобъ онъ къ ней не попался, спасемъ его въ сію ночь. Для него надобно только лошадь привести и постараться, чтобъ найти его въ лѣсу: мы бы его скоро отправили, а завтра бы поискали его, да и перестали.

Принцесса отъ великой радости обнимала мамку. Обѣ онѣ ушли чрезъ потаенное крыльцо, взявъ трехъ лошадей съ конюшни. Шталмейстеръ, котораго Принцесса подарила, содержалъ оныхъ лошадей совсѣмъ въ готовности. Обѣ Амазонки поѣхали; мамка держала въ поводу лошадь, которая ведена была для Пренанія.

Фелея, которую любовь о всемъ памятовать заставляла, взяла съ собою бутылку ратафіи и большую лѣпешку, которую она изломавъ въ сумку положила, чтобъ тѣмъ бѣдной Пренаній въ дорогѣ питался. Сей припасъ привязала она въ тарака у той лошади, которую она для Пренанія назначила.

Когда молодая Принцесса въ лѣсъ пріѣхала, то стала плакать, чтобъ волки не съѣли (ибо она оныхъ никогда не видывала). Мамка ея говорила ей, чтобъ она ничего не опасалась, и не дѣлала бы никакого шуму, чтобъ караульные, которые въ лѣсу были разставлены, того не услышали.

Тогда Принцесса нѣсколько отъ страху воздержалась, тихо ѣхала и потихоньку кликала: Пренаній! Пренаній! по щастію ѣхала она близь того дерева, въ которомъ онъ сидѣлъ. Онъ ее услышалъ и говорилъ: не тыль, Принцесса? Ахъ! это я, отвѣчала она, вылѣзай поскорѣе. Тогда Пренаній такъ проворно выскочилъ, что думалъ, будто переломилъ у себя ногу. Ахъ! сказалъ онъ, дражайшая моя Принцесса! какъ же я щастливъ, что васъ вижу у себя на помощи! Сколько теперь радуюсь своему предпріятію! потому что оно мнѣ изъявляетъ, какъ много имѣете вы обо мнѣ попеченія!

Да, сказала Принцесса жалкимъ голосомъ, очень хорошо вы едѣлали; теперь надлежитъ намъ разставаться. Не лучше ли бы оставить у Солокуля всѣ глаза, сколько есть на свѣтѣ, ежелибъ столько у него было, чѣмъ предпринимать такое дѣло, которое смерть бы вамъ нанесло, ежелибъ вы сихъ мѣстъ не удалились. Какъ; это Принцесса! сказалъ Пренаній, мнѣ надле-

лежитъ отсюда уѣхать? Безъ сомнѣнія, съ строгостію отвѣчала мамка, которая любви не чувствовала, но умирала отъ страху, чтобъ не спознали того поступка, которому она Принцессу научала. Садитесь на эту лошадь; мы ее вамъ привели, и уѣзжайте такъ далеко, какъ возможно.

По сихъ словахъ Пренаній и Фелея начали плакать. Поѣзжайте, дражайшій мой Пренаній! сказала Принцесса; вѣрьте, что я вѣчно васъ не позабуду, и прошу, чтобъ и я также всегда изъ мыслей вашихъ не выходила. Надѣйтесь, что нѣкоторое благополучнѣйшее время соединитъ опять насъ вмѣстѣ. Я къ вамъ отпишу, ежели Акаріаста умретъ; матушкажъ моя, которая васъ гораздо любитъ, во всемъ вамъ проститъ. Безщастной Пренаній сѣлъ на лошадь, поцаловалъ весьма нѣжно руку у Принцессы, и такъ съ нею разлучился. Мамка привезла Фелею опять въ комнаты, и обѣ до утра проспали, такъ что никто ни о чемъ не провѣдалъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Какъ Пренаній ушолъ въ одну ужасную пустыню, и какая щастливая ему тамъ была встрѣча.

Поутру десяти часовъ еще не было, какъ всѣ Амазонки въ готовности уже на-

ходились: искали Пренанія по всей рощѣ; токмо труды, которые прилагали, были безполезны; что причиняло Фелеѣ столько радости, сколько Солокулю и его матери то было прискорбно. Изъ чего видно, что на весь свѣтъ никакъ угодить не возможно.

Во время сего иску Пренаній безъ остановки продолжалъ путь свой, крушась о томъ, что разстался съ Принцессою; а веселился тѣмъ, что Солокуль не увидитъ ее больше.

На разсвѣтѣ усмотрѣлъ онъ мѣшокъ, которой въ шаракахъ привязанъ былъ. Онъ пощупавъ, нашолъ въ ономъ лѣпешку, которую Принцесса ему положила, и бутылку съ ратафіею. А какъ онъ былъ очень голоденъ, то много лѣпешки съѣлъ, въ которой и бобъ ему попался. Ахъ! сказалъ онъ, я конечно буду Королемъ; ибо одному надлежитъ мнѣ съѣсть всю сію лѣпешку. Со всемъ тѣмъ это значитъ, что Принцесса меня много жалуетъ. Онъ напился воды изъ одного ключа, которой на дорогѣ ему попался; а по томъ выпилъ чарку ратафіи для укрѣпленія желудка; только что не имѣлъ такого щастія, чтобъ кто нибудь закричалъ: Король пьетъ! ибо одна его лошадь дѣлала ему компанію.

Пренаній никогда не выѣзжалъ изъ Амазоніи, и никакой дороги не зналъ. Онъ заѣхалъ въ ужасную пустыню, откуда не

зналъ

зналъ, какъ и выѣхать. Такимъ образомъ странствовалъ онъ двои сутки въ самой страшной степи. Въ глазахъ у него были только однѣ долины горящаго песку, которыя изъ виду у него уходили. Въ сей пространной пустынѣ были такія устрашительныя каменныя горы, которыя до облаковъ простирались. Съ оныхъ произходило ужасное теченіе водъ. Сія вода, которая такъ жестоко съ горъ упадала, казалось, будто съ такоюжъ быстротою и страшное тамошнее бытіе уносила съ собою; напослѣдокъ съ шумомъ въ наиглубочайшія бездны и пропасти упадала. По томъ лошадь у Пренанія, которая очень устала и съ голоду умирала, съ ногъ свалилась; бутылка, въ которой еще нѣсколько ратафіи было, разшиблась: что Принцу великую печаль причинило. Пренаній по тѣхъ поръ билъ свою лошадь, пока сама встала, и везла его еще нѣсколько времени; а какъ бѣдная скотина вторично упала, тогда уже встать была не въ состояніи, сколько она ни силилась. Въ такомъ случаѣ Пренаній принужденъ былъ взять остатокъ лѣпешки и пѣшкомъ продолжать свой путь.

Шедъ нѣсколько времени, сѣлъ отдохнуть при одной каменной горѣ. Онъ съ горестію на небо смотрѣлъ, и ни о чемъ не думалъ; такъ много печалился о своемъ злощастій! Тогда сталъ предъ нимъ одинъ старикъ, котораго сухое тѣло конечнобъ

Прин-

Принца въ другое время устрашило: но тогда онъ столько печалился, что ничего предъ собою не могъ видѣть. Старикъ стоялъ нѣсколько времени неподвижно; смотрѣлъ на молодаго Пренанія; оказывалъ всѣ знаки совершенной радости. Потомъ приближась къ нему, сказалъ: какъ я щастливъ, что съ вами встрѣтился! Какоежъ и для васъ благополучіе, что вы здѣсь меня находите! Ежелибъ сего не приключилось, то безъ сомнѣнія бы вы въ сей пустынѣ съ голоду умереть принуждены были; ибо никакой дороги здѣсь не знаете. А безъ васъ я бы скоро пострадалъ отъ бѣдственнаго моего состоянія: но теперь я васъ благополучнымъ сдѣлаю; а моя честь и щастіе отъ васъ зависитъ.

Пренаній просилъ старика, чтобъ ему яснѣе истолковалъ, какимъ образомъ они оба такъ щастливы будутъ. Для нынѣшняго дня, отвѣтствовалъ старикъ, довольствуйтесь тѣмъ, что мы обнадежены быть благополучными; подите, отдохните въ моемъ гротѣ, завтра приведу васъ въ мое отечество, гдѣ вы самою блистающею фортуною наслаждаться будете; а въ пути же увѣдомлю васъ, о чемъ меня спрашиваете.

Старикъ привелъ Пренанія въ ту пещеру, гдѣ онъ самъ жилъ. Оная отъ себя сдѣлалась въ самой большой каменной горѣ. По легкомъ кушаньѣ, которое состояло въ

нѣ-

нѣкоторыхъ кореньяхъ, кои были у старика, и въ послѣднемъ кускѣ лѣпешки, которая у Принца осталась, легли они на сухую траву спать, и отъ великихъ трудовъ очень крѣпко уснули.

На другой день, какъ скоро только заря показалась, старикъ разбудилъ Принца, которой думалъ, что онъ еще въ Амазоніи находится (ибо сіе было въ первой разъ, что онъ на дорогѣ ночевалъ), началъ старика жестоко бранить, думая, что кто нибудь изъ товарищей разбудилъ его по злости. Когда онъ глаза свои нѣсколько протеръ, усмотрѣлъ тогда свою погрѣшность, и просилъ у старика прощенія въ своей продерзости.

Старикъ и Пренаній не мѣшкавъ въ путь отправились. Пренаній, вышедъ изъ трота, съ сожалѣніемъ вспомнилъ о бутылкѣ ратафіи, которой бы они по хорошей чаркѣ выпили прежде начатія своего путешествія. Пренаній вскорѣ разсказалъ старику свою исторію, которой многіе ему дѣлалъ вопросы; на что Принцъ такъ хорошо отвѣтствовалъ, что старикъ почиталъ себя крайне удовольствованнымъ. Молодой Принцъ просилъ по томъ старика, чтобъ и онъ въ свою очерядь его любопытство удовольствовалъ, и по обѣщанію своему объявилъ бы ему о томъ мѣстѣ, куда его ведетъ, и о благополучіи, на которое бы онъ могъ надѣяться.

По

По сей прозьбѣ, старикъ возводилъ глаза на небо, испущалъ глубокіе вздохи. Вы услышите, сказалъ онъ, самую жалкую исторію, которую вамъ разскажу. Подлинно знаю, что злополучіе, отъ котораго фамилія моя пострадала, приведетъ и васъ въ трепетъ. По тому вообразите себѣ, какой трудъ я чрезъ то на себѣ понесу, когда вамъ буду разсказывать о моемъ злополучіи! совсемъ тѣмъ, когда я вамъ въ томъ уже обѣщался, то непремѣнно надлежитъ васъ удовольствовать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Исторія о Сапанѣ-Иванѣ.

Имперія, въ которой я родился, говорилъ старикъ, есть очень пространна и многолюдна. Столичной городъ сего королевства, въ которой уповательно мы нынѣ прибудемъ, называется Азинія. Языкъ, которымъ тамъ говорятъ, съ вашимъ не сходенъ; и такъ сначала изъ словъ нашихъ гражданъ ничего вы разумѣть не будете.

Такъ чтожъ мнѣ дѣлать? сказалъ Пренаній. Мнѣ до смерти скучится; тѣмъ льстили вы меня благополучіемъ? Сіе временному благополучію не мѣшаетъ, спокойно отвѣтствовалъ старикъ. Есть много и такихъ людей, которыя не разумѣютъ и того, что имъ на природномъ ихъ языкѣ

кѣ сказываютъ: да и тутъ они не жалуются. Впрочемъ я особливо по вечерамъ вамъ буду толковать то, что вамъ днемъ сказывать будутъ. А что вы ничего не будете разумѣть изъ разговору, за то одно васъ мои сограждане достойнымъ и почитать станутъ.

Неразуміе въ нашихъ народахъ почитается за самое лучшее достоинство. Ежелижъ кто хотя маленькое имѣетъ знаніе о какой нибудь вещи, тотъ конечно подозрительнымъ сдѣлается въ государствѣ, и попадетъ въ самое безчестное наказаніе.

Сіе общее узаконеніе, чтобъ ничего не знать, введено было однимъ славнѣйшимъ нашимъ Государемъ, котораго царствованію уже сто, или тысяча лѣтъ минуло; а подлинно сего знатнаго времени не упомнятъ. Все, что въ семъ Королѣ примѣтить было возможно, состоитъ въ томъ, что онъ очень любилъ спорить. Однажды случилось ему вступить въ споръ съ однимъ своимъ придворнымъ: разсуждая о исторіи, онъ утверждалъ, что не возможно научиться сей наукѣ, не знавъ совершенно Физики. Весь Дворъ не могъ удержаться отъ смѣху. Хотя ему и представляли, что не ему они смѣялись; однако онъ съ того времени такъ возненавидѣлъ всѣ науки и ученыхъ людей, что вскорѣ приказалъ всѣ Коллегіи сломать,

книги

книги безъ остатку сжечь, и всѣ надписи, которыя въ его государствѣ находились, уничтожить. По томъ велѣлъ на площадь выставить на педесталѣ большаго осла, вылитаго изъ красной мѣди. Отъ сего великаго осла столичной городъ назвали Азиніею, и онаго осла почитали за охранительное божество всея имперіи.

По смерти сего Короля наслѣдники его и наши народы, смотря на своихъ Государей, пришли въ самое совершенное невѣжество. Однако отецъ мой, которой овдовѣлъ въ молодыхъ лѣтахъ, и имѣлъ отъ своего брака двухъ сыновъ, изъ которыхъ я былъ старшій, опредѣлилъ къ нашему нещастію, чтобъ мы были ученыя люди, не смотря на всѣ строгія узаконенія, которыя намѣренію его сопротивлялись.

Онъ назвалъ меня Саванъ-Иваномъ, а брата моего Доктисомъ, намѣряясь чрезъ то показать, сколь велико было его желаніе, дабы превозходили мы прочихъ въ наукахъ и знаніяхъ. Притомъ хотѣлъ собою намъ показать слѣдъ къ полезнымъ знаніямъ: и для того самъ учился читать и писать у одного ученаго человѣка, которой жилъ въ городѣ тайно. А какъ мы пришли въ такія лѣта, чтобъ намъ странствовать: тогда отправилъ онъ насъ въ другія государства, дабы мы въ учрежденныхъ тамъ школахъ обучались. Мы течение

ніе нашихъ наукъ нѣсколько времени въ Амазоніи продолжали; чрезъ что я и вашему языку обучился.

Братъ мой, къ своему нещастію, гораздо лучше меня обучился. Онъ совершенно разумѣлъ два языка, которыми предъ двумя тысячами лѣтъ совсѣмъ не говорили. За сто, или за двѣсти лѣтъ предъ симъ, произходила въ пяти, или шести миляхъ отсюда великая война. Онъ зналъ предлагать согласныя и противныя мнѣнія въ такихъ дѣлахъ, коихъ никто не могъ знать основательно. Однимъ словомъ, почитали его вѣщуномъ, да еще въ такомъ государствѣ, которое въ десять кратъ больше просвѣщенія имѣло, нежели наше.

Отецъ мой за нѣсколько времени до своей смерти сочеталъ его съ молодою и любви достойною женщиною; наградилъ его лучшею частію своего имѣнія. Чтожъ до меня принадлежитъ, онъ никогда и не думалъ, чтобъ меня также куда нибудь пристроить; а почиталъ меня старшимъ сыномъ и надзирателемъ его фамиліи и всего дому.

Ежелибъ отецъ мой могъ предусмотрѣть, какія намъ нанесетъ бѣды Доктисова жена, то безъ сомнѣнія бы онъ остерегся впустить въ домъ нашъ такого урода. Жена сія возгордясь тѣмъ, что произошла отъ такихъ родственниковъ, которые въ государствѣ глубочайшимъ сво-

имъ безуміемъ весьма прославились, поступала съ братомъ моимъ весьма презрительно. Иногда приводила она любезныхъ своихъ пріятельницъ, которыя насмѣшками своими отвращали его отъ науки. Временемъ пущала она на вѣтеръ бабочки, сдѣланныя изъ его писемъ; часто выливала она чернила его до послѣдней капли. Потомъ увидѣвъ, что труды ея напрасно пропадали, столь была сурова сія безсовѣстная тварь, что на брата моего въ Магистратъ донесла, такъ какъ на человѣка, которой виновенъ былъ въ самыхъ высокихъ знаніяхъ. Къ наибольшему своему нещастію собралъ братъ мой отвсюду наиважнѣйшія минувшихъ вѣковъ приключенія. Онъ выписалъ многія вещи изъ разныхъ Авторовъ, которыя нечаянно привелъ въ порядокъ, наблюдая немного порядку времени и мѣстъ. Онъ присовокупилъ къ тому краткія разсужденія о разныхъ наукахъ, отъ чего оныя начало свое получили. По томъ далъ сей книгѣ, которая разныя дѣла въ себѣ заключала, наименованіе; и на всякой страницѣ предувѣдомлялъ, что самъ онъ ничего не разумѣетъ о томъ дѣлѣ, которое предлагалъ. Судьи, которымъ измѣнница жена его доносила, произвели судъ, и приговорили его къ смерти. Сколько сей приговоръ мнѣ кажется несправедливъ! сказалъ Пренаній, перервавъ старикову рѣчь. Ежели дѣло такъ произ-

хо-

ходило, какъ вы сказываете, то умертвили вашего брата напрасно. Но можетъ быть вы по немъ покрываете; а онъ конечно показалъ чрезъ сіе писаніе разсужденія глубочайшаго разума, которыя предъявляли, что онъ о склонностяхъ человѣческихъ много толкованія дѣлалъ.

Никакъ! отвѣчалъ Саванъ-Иванъ; разсужденія, которыя временемъ въ его трудахъ находились, изъявляли только то изъ остроумія, что въ употребленіи было также безкорыстіе и постоянство при нещастіяхъ. Однако со всемъ тѣмъ въ одинъ день, во время отправленія торжественнаго праздника (не погнѣвайтесь, что вздохи пресѣкаютъ мою рѣчь, когда вспомню о толь великомъ злощастіи) бѣдной мой братъ повѣшенъ былъ на хвостѣ у большаго мѣднаго осла,

Чтожъ до меня касается, продолжалъ старикъ по нѣкоремъ молчаніи; я обвиненъ былъ его сообщникомъ. Но понеже на мое преступленіе никакого доказательства не нашлось, то довольствовались тѣмъ, чтобъ меня сослать въ ссылку въ ту пустыню, гдѣ вы со мною встрѣтились. Мнѣ запрещено было оттуда возвращаться, подъ опасеніемъ такой же казни, какая учинена и моему брату, покамѣстъ я не позабуду всего, что зналъ, и не приведу съ собою на мѣсто покойнаго моего брата такого

безумнаго человѣка, котораго бы незнаніемъ всѣ довольны были.

Я жилъ около трехъ лѣтъ въ моей ссылкѣ; питался быліемъ; наконецъ умеръ бы, ежелибъ не имѣлъ щастія увидѣться съ вами. Ваша завистная Физіогномія и состояніе, въ которомъ я васъ тогда нашелъ, внушили мнѣ объ васъ великую надежду. Описаніе, которое вы мнѣ сдѣлали о вашемъ похожденіи, и отвѣты на предложенные вамъ мною вопросы, подкрѣпляли меня въ моихъ мнѣніяхъ. Я васъ представляю нашимъ гражданамъ такимъ подаркомъ, за которой они въ состояніи будутъ со мною примириться.

Пренаній показывалъ тогда въ себѣ нѣкоторой страхъ, и говорилъ: мнѣ кажется, что я, слѣдуя за вами въ Азинію, въ опасность себя ввергаю. Я не такъ глупъ, какъ вы обо мнѣ думаете. Я знаю, на примѣръ, преизрядно мячикомъ играть. Отъ сея науки, отвѣчалъ старикъ, худаго вамъ не будетъ. Я также знаю, сказалъ Пренаній, рыбою плавать; сверьхъ того, какъ вы ужь можетъ быть слыхали, вѣшаться по деревьямъ не хуже кошки. Вамъ еще не чего опасаться, отвѣчалъ Саванъ-Иванъ. Въ заключеніе, сказалъ Принцъ, я умѣю такъ цѣльно стрѣлять изъ трубки, что глазъ уже у соперника своего выстрѣлилъ: и всѣ новые контрѣтанцы танцовать умѣю, и столь хорошо

пою,

ною, что на зарѣ могу увеселять себя въ уединеніи. Повѣрьте мнѣ, сказалъ Саванъ-Иванъ, не только что вамъ опасаться не чего, да еще всѣ сіи изрядныя знанія помогутъ вамъ въ пріобрѣтеніи первѣйшихъ чиновъ сея имперіи.

По окончаніи сихъ разговоровъ показался имъ городъ, которой увидѣть было не возможно, не вошедъ въ него прежде; потому что онъ стоялъ въ лощинѣ. Увидѣвъ оной, нѣсколько ободрились; потомъ вскорѣ туда прибыли.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Описаніе города Азиніи, и какъ тамъ Пренанія приняли.

Пренаній пришелъ въ изумленіе отъ зрѣлища, которое по пришествіи въ Азинію, очамъ его представилось. Поистиннѣ домы ихъ не по симметріи были построены, и украшенія не весьма были регулярны; токмо различныя краски и великія зданія весело было разсматривать. Улицы наполнены были молодыми людьми, которые казалися быть оживленными великою радостію. Нѣкоторые катали въ драгоцѣнныхъ колесницахъ молодыхъ красавицъ, одѣтыхъ самымъ щегольскимъ образомъ; другіежъ въ густотѣ листовъ отдавались веселостямъ, пили и наслаждались. Повсюду слышны были концерты, при

чемъ веселость, больше нежели согласіе музыки, процвѣтала. Сіе и Принца конечно бы танцовать принудило, ежелибъ онъ отъ своего путешествія не обезпокоился. Какъ же, сказалъ онъ Саванъ-Ивану съ удивленіемъ, вы не сказывали мнѣ, что сей городъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи и многолюденъ? А мнѣ кажется, что здѣшнее пребываніе очень весело. Что вы это говорите? отвѣчалъ старикъ. Сей городъ, мнѣ кажется, очень опустошенъ, въ разсужденіи того состоянія, въ которомъ я его оставилъ при въѣздѣ моемъ. Конечно какой нибудь чрезвычайной случай привлекъ многихъ отсюду въ другія государства; не вижу здѣсь и половины тѣхъ жителей, которые обыкновенно по улицамъ гуляли.

Саванъ-Иванъ подошедъ къ одному молодому Азиніанцу, спросилъ, для чего онъ не видитъ теперь столь много народу, какъ прежде? Правда, отвѣчалъ молодой человѣкъ: для того, что почти всѣ наши граждане пошли на площадь смотрѣть, какъ будутъ казнить одного бѣднаго остроумца, котораго поймали, и котораго симъ часомъ на хвостъ къ великому ослу прицѣпятъ. Сіи слова съ великою прискорбностію возобновили въ сердцѣ Саванъ-Ивана напоминаніе о бѣдномъ Доктисѣ. Однако онъ очень остерегался, чтобъ не примѣтили того другіе, дабы

чрезъ

чрезъ то не попасть въ подозрѣніе. Напротивъ того сказалъ онъ Азиніанцу съ притворною радостію: разскажи мнѣ, пожалуй, какое сего человѣка было преступленіе, дабы мы вмѣстѣ о томъ посмѣялись.

Я совершенно не знаю, за что его обвинили, отвѣчалъ молодой Азиніанецъ; а только слышалъ, что онъ списывалъ дѣла, которыя наши граждане тогда производили, когда между собою нѣкоторую вражду имѣли; наконецъ и учиненные приговоры къ тому жъ приписывалъ, и все то въ другіе города имперіи пересылалъ. Опасались, чтобъ провинціальные судьи чрезъ рѣшеніе подобныхъ дѣлъ не прославились очень разумными, а особливо ежели и тамъ такіяжъ дѣла приключатся. И для того надъ нимъ судъ произведенъ. По симъ словамъ Азиніанецъ оставилъ Принца съ его предводителемъ.

Саванъ-Иванъ пересказалъ Пренанію то, что онъ слышалъ, и на суровость своихъ согражданъ жестоко осердился; а особливо за то, что человѣка за толь малое преступленіе жизни лишаютъ. Когда они не много прошли, то увидѣли множество народа, которой съ площади возвращался. Одинъ изъ нихъ, котораго Саванъ-Иванъ просилъ, сказалъ, что виновашаго простили. Король, сказалъ сей человѣкъ, приказалъ передъ собою проче-

сть

честь нѣсколько страницъ изъ писемъ обвиненнаго, и не нашелъ ничего, чтобъ достойно было смертной казни, приказалъ его освободить.

Саванъ-Иванъ и Пренаній радовались сей вѣдомости. А какъ еще нѣсколько впередъ подались, то увидѣли судей, которые съ добрымъ порядкомъ оттуда возвращались. Саванъ-Иванъ предсталъ предъ нихъ, и началъ говорить съ тѣмъ, которой знатнѣе прочихъ ему казался; я осмѣлился возвратиться въ сей городъ, исполнивъ опредѣленіе, которое вы противъ меня произвесть изволили. Съ того времени, какъ я началъ жить въ той пустынѣ, въ которую вы меня сослать изволили, совершенно тамъ забылъ все то, что я ни зналъ, и чуть упомню ли сыскать свой домъ: я теперь очень достоинъ жить вмѣстѣ съ вами.

Это преизрядно! строго отвѣчалъ судья. Токмо скажите мнѣ, продолжалъ онъ, говоря съ кравчимъ, не былоль еще какого приказанія, которое бы сему человѣку по возвращеніи его изъ ссылки исправить надлежало? Я не могу о томъ вспомнить, сказалъ кравчій: но уповаю, что еще нѣчто было приказано. Я былъ осужденъ, отвѣчалъ Саванъ-Иванъ, чтобъ привесть къ вамъ на мѣсто своего брата такого человѣка, которой бы процвѣталъ въ безумія. Вотъ, сказалъ онъ, пред-

ставя

ставя молодаго Принца, человѣкъ, которой изъ сихъ разговоровъ ничего не разумѣетъ, и я могу одобрить вамъ сего молодаго человѣка, что онъ лучше всѣхъ вашихъ подданныхъ. Онъ никакой разумной книги не читывалъ; притомъ не знаетъ какъ подлиннаго своего имени, такъ отца и матери, и того, въ какой землѣ родился: онъ никакого понятія не имѣетъ о дорогѣ, по которой сюда пришелъ, и сколько городъ сей отдаленъ отъ того, изъ котораго онъ поѣхалъ. Наконецъ онъ и нашего языка не разумѣетъ; потому онъ ни одного слова, чтобъ ему ни говорили, знать не будетъ.

При сихъ послѣднихъ словахъ всѣ молодые Сенаторы обнимали Пренанія; каждой ему оказывалъ искреннюю свою дружбу и совершенное почтеніе. Знатнѣйшій изъ молодыхъ Сенаторовъ посадилъ Саванъ Ивана и Пренанія въ свою карету, и повезъ ихъ къ себѣ вгости.

Старикъ тайно просилъ молодаго Принца, чтобъ съ нимъ не говорить по Амазонски. Сіе можетъ учинить со мною то, что опять сошлютъ меня въ пустыню, откуда мы возвратились.

По прибытіи въ домъ къ молодому Азиніанскому Сенатору собралась тамъ великая компанія; а ужинъ, которой по томъ приготовили, показалъ Пренаній, что разумнѣйшимъ людямъ въ сей землѣ

безъ стыда только въ поварахъ быть надлежало. И какъ Принцъ ничего не разумѣлъ изъ разговоровъ; то упражнялся въ исправленіи той (*) діеты, которую онъ наблюдалъ чрезъ цѣлые трои сутки, и для забавы часто пилъ. За столомъ были три молодыя красавицы, которыя пріѣхали съ нѣкоторыми молодыми Азиніанцами, казались быть очень живы и самаго веселаго нраву. Одна изъ нихъ превосходила прочихъ веселостію. Она имѣла преизрядные глаза, волосы и брови чорные, на подобіе агата; а лице украшено было по Амазонски; что ей такой смѣлой видъ придавало, что всѣ прочіе тому веселились.

Она примѣтила, что Пренаній говорилъ по Амазонски, которой языкъ и она совершенно разумѣла. Она сдѣлала ему знакъ, дабы онъ не показывалъ, что языкъ тотъ знаетъ. А чтобы тѣмъ болѣе компанія веселилась, пѣла она многія Амазонскія аріи чрезвычайно хорошимъ голосомъ, которымъ всѣхъ гостей увеселила тѣмъ наипаче, что они ничего изъ словъ ея не разумѣли. Пренаній пѣлъ также нѣкоторыя пріятныя пѣсни. А понеже онъ самъ ихъ сочинялъ, то страсть принудила его выговорить имя Фелеи, которая въ памяти повсюду за нимъ слѣдовала.

(*) Діета, умѣренность въ пищѣ и питіи.

ла. Одинъ только Саванъ-Иванъ, которой любовь его зналъ, и молодая (*) Брюнета рѣчи его разумѣла: прочіе удивлялись пѣснямъ, но ничего изъ оныхъ не разумѣли.

А чтобъ сей праздникъ совершеннѣйшимъ сдѣлать, велѣно во время закусокъ привести музыку, которая многія хорошія аріи играла. Онѣ не очень были долги и играны не скоро. Какъ сей Принцъ съ своимъ предводителемъ такъ были забавлены, искали домъ Саванъ-Ивана, по томъ всѣ спать пошли.

ГЛАВА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ,

Которая можетъ быть столькожъ скучна покажется, сколько и дѣла, кои въ оной представлены будутъ.

Въ слѣдующіе дни знатнѣйшіе господа Азиніи приходили къ Саванъ-Ивану посѣщать молодаго иностравца. Старикъ, которой показывалъ, будто проклинаетъ науку, получилъ чрезъ дружбу Пренанія конфискованныя брата своего пожитки. Онъ чрезъ сей случай пришелъ въ состояніе гораздо прославиться: наградилъ довольно Пренанія, такъ что и ему было чемъ себя оказать. Принцъ и Саванъ-Иванъ дѣлали въ свою очередь про знатныхъ въ

(*) Брюнета, женщина, имѣющая темные волосы.

городѣ банкеты. Для Принца дѣлали ежедневно балы, въ которыхъ проворству и пріятности его весьма удивлялись. Водили его на оперы, гдѣ онъ довольно музыкою веселился, хотя и ничего изъ словъ не разумѣлъ.

Въ нѣкоторой день, когда онъ одинъ былъ съ Саванъ-Иваномъ, сказалъ ему, сколько онъ тому сердился. Я видѣлъ, говорилъ онъ, дѣйствующихъ, которые пріятно говорили на роспѣвъ, и часто всѣ вдругъ, какъ будто бы они объ одной вещи вздумали: по томъ давали другъ другу руки, и порядочно у стороны театра разъ по пяти въ одномъ дѣйствіи садились, чтобъ смотрѣть, какъ танцуютъ. По томъ видѣли другихъ, кои выходили тогда, какъ танцовальщики отходить начинали; разсказывали такія вещи, что иногда всѣ въ ладоши били. Сіе заставляетъ меня думать, что ваши поэмы весьма завистны. Очень сожалѣю, что не могу оными пользоваться.

Ахъ! сказалъ Саванъ-Иванъ: что вы изъ нашихъ лирическихъ поэмъ ничего не разумѣете, чрезъ то конечно ничего не потеряете. Хотя оныя поэмы и самые знатнѣйшіе наши безумцы шутя сочиняли, токмо глупѣе ихъ ничего въ свѣтѣ не находится; ежели одинъ что нибудь сдѣлаетъ, то и прочіе тожъ дѣлать начинаютъ. Всѣ трудятся надъ однимъ дѣломъ,

и употребляютъ одинакія мысли. Вы усмотрите въ сихъ сочиненіяхъ ихъ одну молодую Принцессу, влюбившуюся въ молодаго рыцаря; одну чародѣйку, влюбившуюся въ молодаго человѣка; а чтобъ то пріятнѣе было, то колдунъ влюбится въ Принцессу. Два молодые любовника мучатся чрезъ цѣлыя пять дѣйствій отъ тѣхъ, которые ихъ невольно любить себя заставляютъ; наконецъ соединяются противу всѣхъ своихъ стараній; иногда же сами себя убиваютъ, что означается чрезъ тотъ кинжалъ, которой молодая Принцесса въ пятомъ дѣйствіи на себя надѣла.

Чтожъ до того принадлежитъ, когда двое вмѣстѣ запоютъ, то ежели они крѣпко говорятъ, значитъ, что надлежитъ чинить отмщеніе, и что должно слѣдовать свирѣпости и гнѣву. Отчаяніе пріятная для нихъ вещь въ свѣтѣ. Когдажъ пріятно поютъ, тогда объявляютъ, что надлежитъ любиться, и что нѣтъ ничего превозходнѣе пріятной любови. Они просятъ бога любви, чтобъ онъ стрѣлами своими уязвлялъ ихъ, пріятнѣйшій бы свой жаръ возпламенялъ въ нихъ и крѣпкобъ оковалъ своими цѣпями.

Какъ же, сказалъ Пренаній, дѣйствующіе на театрѣ всходятъ тогда, какъ танцовальщики оттуда выходятъ? Я вамъ изъясню все, что они говорятъ, сказалъ

Са-

Саванъ-Иванъ. Ежели вы увидите пастуха, оное всегда значитъ любовь, что страсть сія пріятна, и что всѣ ея побѣды суть пастушскія торжества. Ежелижъ покажется Рыцарь, или Героиня, то все, что они поютъ, значитъ, что надлежитъ мѣшать миртовое дерево съ лавромъ; что любовь уподобляется нѣкоторому сраженію, при которомъ надобно быть нѣсколько дерзку, а по томъ приписывать славу той красотѣ, которая лучше сопротивлялась. Когда же увидите матросовъ, то и тѣ говорятъ, что въ любви не надлежитъ бояться непогоды; ибо милостивой рокъ ждетъ ихъ въ благополучную гавань. И такъ, не взирая на опасность бури, должно на кораблѣ съ любовію ѣхать повсюду. Наконецъ, ежели вы увидите нечистыхъ духовъ; оные кричатъ, что надлежитъ слѣдовать гнѣву и ярости; а щастливые духи въ бѣлой одеждѣ сладко поютъ, что любовь и во адѣ благополучно пребываетъ, и что блистаніе ея и въ самой тьмѣ ихъ просвѣщать будетъ: для того не объявлю вамъ обо снѣ, которой увѣщеваетъ спать, что и безъ того скоро мысли его понимаютъ. На театръ только пять, или шесть разныхъ персонъ допускаютъ. И такъ чрезъ ихъ платье, и какимъ голосомъ они говорить станутъ, вы безъ сомнѣнія все разумѣть будете, чтобъ они на говорили.

Те-

Теперь я знаю, сказалъ Пренаній, и совершенно разумѣть буду ваши оперы. Токмо донесу вамъ, что музыка ваша мнѣ кажется не очень удивительна: голоса слѣдуютъ всегда одинакіе, и въ аріяхъ вашихъ нѣтъ той живости и перемѣнъ, которыя въ Амазоніи находятся. Наши концерты съ такою скоростію играютъ и такъ высоко, что вы придете въ изумленіе; а иногда такъ низко спускаются, что вы ужаснетесь. Случается, что въ одну такту пятьдесятъ разъ смычкомъ проводятъ, и строго переходятъ изъ дурныхъ голосовъ въ бемоль: и это такъ страшно, что волосы дыбомъ становятся. Къ семужъ присовокупляется повтореніе на низкихъ голосахъ того, что на верьхнихъ играли; по томъ всѣ пѣть начинаютъ. Случается также, что посреди аріи вдругъ на скрипкѣ заиграютъ; отъ чего такой хорошій голосъ произойдетъ, какъ невзначай наступить на хвостъ кошкѣ. Вы мнѣ искренне признаетесь, что это гораздо лучше всей вашей музыки.

Въ здѣшнемъ государствѣ, отвѣчалъ Саванъ-Иванъ, четвертовалибъ, ежели бы какой разумной человѣкъ выдумалъ такое сходство въ голосахъ.

Но у васъ, сказалъ Пренаній, есть комедіи: для чего мы на оныхъ не были? А особливо когдабъ ваши представленія можно разумѣть, не знавъ вашего языка: менябъ то очень веселило.

Въ трагедіяхъ нашихъ, сказалъ Саванъ-Иванъ, вы бы ничего не разумѣли. Всѣ дѣйствующіе почти однимъ голосомъ говорятъ, такъ что по голосамъ ихъ никакъ бы узнать не возможно разныхъ мнѣній, которыя они изображаютъ. Я бы по ихъ ухваткамъ узналъ, отвѣчалъ Принцъ. Въ томъ-то бы вы всегда почти ошибались, сказалъ старикъ. Ухватки ихъ не соотвѣтствуютъ той страсти, которую бы имъ оказать надлежало. Протягиваютъ руки, трясутъ шляпою, иногда ее на кулакѣ поднимаютъ, такъ какъ дѣлается хищная птица, хотя то и ничего не значитъ. Подаются всемъ тѣломъ впередъ, и трясутъ подвязками, когда устрашены, или въ гнѣвѣ, или когда очень влюблены бываютъ. Ненависть, ужасъ, отчаяніе, и великую любовь, все однимъ образомъ представляютъ.

Вы мнѣ только говорите о представляющихъ мущинахъ; я заподлинно знаю, что дѣйствующія женщины имѣютъ лучшій вкусъ: женской полъ натурально чувствителенъ, и изъясняетъ лучше чувствуемую страсть.

Вы говорили бы правду, отвѣчалъ Саванъ-Иванъ, когдабъ наши дѣйствующія женщины способны были понимать, что они говорятъ, но изъ нихъ большая часть ничего изъ того не разумѣютъ. Только сіе извѣстно, что когда они печальны, то ма-

машутъ большимъ платкомъ вмѣсто вейера; въ тожъ самое время морщатъ онѣ лице, которое не очень будетъ пріятно. Одна токмо изъ нихъ, которая перемѣняетъ голоса; она строга тогда, какъ гнѣвъ изображать намѣревается: пріятнажъ тогда, какъ нѣжность представлять начнетъ. Глаза и лице ея изъявляютъ радость, или печаль: знаютъ, когда она начнетъ грозить, иногда успокоится. Когдажъ представляетъ какую нибудь страсть, то лице ея довольно показываетъ смотрителямъ, что все то, что она говоритъ, есть самая притворность.

Она-то и великая изъ представляющихъ женщина, сказалъ Пренаній. Для того всѣ сначала на нее и нападали, отвѣчалъ старой Саванъ-Иванъ. Притомъ же она нечаяннымъ случаемъ на театръ принята.

Пренаній хотѣлъ бы и прочія достопамятныя вещи въ Азиніи посмотрѣть; токмо Саванъ-Иванъ напередъ ему сказалъ, что когдабъ онъ и языкъ ихъ совершенно разумѣлъ, тобѣ труды напрасно потерялъ, ежелибъ все смотрѣть пошелъ.

ГЛАВА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Какъ Пренаній прозналъ о Принцессиномъ состояніи по разлученіи съ нею, и какимъ образомъ остапилъ онъ Азиніанъ.

Молодой Принцъ находился шесть мѣсяцовъ въ Азиніи; и хотя онъ всегда въ банкетахъ и въ веселостяхъ обращался, токмо безпрестанно думалъ о своей Принцессѣ. Никакихъ извѣстій отъ нея не получалъ; потому что она не знала, куда онъ отправился: а онъ для того къ ней писать не могъ, что въ Азиніи бумаги и чернилъ не продавали.

Случилося, что Пренаній очень рано одинъ изъ городу вышелъ, взявъ съ собою долгую свою трубку, чтобъ въ полѣ ею забавляться. Вдали увидѣлъ одного пажа, и подумалъ, что онъ отъ Принцессы Фелеи. Онъ поспѣшно къ нему побѣжалъ: не вы ли это, дорогой мой Ажисъ? сказалъ онъ ему ласково. Какимъ щастливымъ случаемъ нахожу васъ въ сихъ мѣстахъ! Не по Принцессинуль приказу вы сюда пришли? Въ какомъ она состояніи? Что сдѣлалось съ Солокулемъ? Любитъ ли меня еще Фелея? Живаль сестра Королевяна? Не простятъ ли меня при Дворѣ? Могуль я туда возвратиться, и не осужденъ ли я на вѣчную ссылку? Отвѣчай мнѣ, дорогой Ажисъ; я умираю съ нетерпѣливости.

Воз-

Возможно ли мнѣ, сказалъ Ажисъ, вдругъ отвѣтствовать на столько вопросовъ? отдохнемъ здѣсь; а черезъ часъ увѣдомлю о всемъ, о чемъ знать желаете.

Какъ они сѣли на траву, то молодой пажъ началъ говорить: на другой день послѣ того, какъ вы такъ искусно Солокулю глазъ выстрѣлили, еще суетно васъ въ рощѣ искали; зажгли тамъ огни, чтобъ задымить васъ, ежели вы гдѣ нибудь на деревѣ сидите. Но я зналъ, что всѣ сіи старанія употреблялись всуе; потому что Принцессина мамка, которая, не хвастовски сказать, добра мнѣ желаетъ, и которая намѣрена за мужъ за меня выдти, ежели благополучіе мое совершится, мнѣ о вашемъ убѣгѣ скоро объявила.

Искуснѣйшіе лѣкари глазъ у Солокуля совершенно вылѣчили, только что онъ имъ ничего видѣть не можетъ. Съ того приключенія молодой Принцъ не могъ болѣе любить охоты и другихъ искусныхъ забавъ. Мать заставила его учиться играть на волынкѣ, почитая сей инструментъ болѣе всѣхъ ему приличнымъ.

Онъ къ оному такъ много прилѣжалъ, что меньше четырехъ мѣсяцовъ учась, очень хорошо на ономъ играть началъ; а какъ онъ безпрестанно въ Принцессу влюбленъ былъ, то всегда себя къ ней водить приказывалъ, заставлялъ ее танцовать, а самъ у нее игралъ разныя штуч-

ки: чемъ она такъ много веселилась, что нѣсколько дружбы за то ему оказывала.

Мамка, которая совершенно вашу сторону держитъ, опасалась новыя сея страсти: не смѣла явно тому препятствовать, зная, что дѣвицамъ въ желаніяхъ ихъ прекословить весьма трудно. Къ отвращенію жъ такой опасной склонности, вотъ какое она изобрѣла средство:

Въ одинъ день, какъ Солокуль пришелъ по обычаю посѣтить Принцессу, мамка ему сказала, что Фелеи очень бы было пріятно, естьлибъ онъ ей проигралъ нѣкоторые концерты. Принцъ два, или три концерта проигралъ. Принцесса не смѣла ему сказать, чтобъ онъ пересталъ, дабы чрезъ то не оказать неучтивости. Она ужъ зѣвала, а Принцъ еще не догадался; съ нетерпѣливости ногой стучала, а онъ думалъ, что она бьетъ такту. По томъ совсѣмъ въ обморокъ упала. Съ того времени никогда слышать не хотѣла ни о волынкѣ, ни о томъ, которой на ней играетъ.

Солокуль веселился тѣмъ, что будто она была худаго вкусу; потому что не любила концертовъ слушать на такомъ инструментѣ, у котораго голоса очень были согласны. И такъ удалился въ замокъ къ Принцессѣ своей матери, гдѣ онъ съ наибольшею ревностію прилѣжалъ,

чтобъ

чтобъ на ономъ инструментѣ совершенно обучиться.

Нѣкоторые изъ моихъ товарищей гуляли со мною около Амазоніи: тамъ встрѣтились съ нами три карла, которымъ казалось быть по сороку лѣтъ. Всѣ трое на лѣвую ногу хромали; а на спинахъ такіе имѣли горбы, которые до половины головы у нихъ простирались. Мы подошли къ нимъ близко; хотѣли надъ ними посмѣяться: стали съ ними обходиться, щелкая ихъ по носу. Двумъ изъ нихъ сія шутка столько не понравилась, что они хромая, отъ насъ побѣжали. Мы не старались за ними гнаться; потому что третій поставилъ сіе въ издѣвку, и говорилъ съ нами очень весело. Объявлялъ намъ, что мы ему столько забавны казались, что отстать ему отъ насъ не хотѣлось.

Мы согласились принять его къ себѣ въ товарищи: повели его въ комнаты въ такомъ намѣреніи, чтобъ онъ забавлялъ Королеву и Принцессу. По чему мы его и представили на ужинѣ тогожъ вечера.

Какъ онъ въ залу вошелъ, вынулъ у себя изъ кармана желтую тафтяную епанечьку, которою горбъ свой накрылъ; потомъ вынувъ корону, наложилъ себѣ на голову; подошедъ къ Королевѣ, говорилъ очень смѣло: милостивая Государыня! хо-

тя пажи ваши меня и обидѣли, токмо я ихъ за то прощаю, что они о достоинствѣ моемъ не вѣдали.

Я Король Донденъ, котораго имперія къ южной сторонѣ на пятьдесятъ миль отстоитъ отсюда. Слухъ, произшедшій о красотѣ Принцессы Фелеи, и до меня дошелъ, такъ что я въ нее влюбился. Видъ сея Принцессы подкрѣпляетъ въ разумѣ моемъ то мнѣніе, которое я объ ней имѣю, и умножаетъ въ сердцѣ моемъ любовь, которая отъ славы ея во мнѣ взпламенилась. Я пришелъ ее у васъ просить себѣ въ супружество.

По горбатому и разговоръ, сказала Королева. Э! да онъ и храмлетъ, матушка, сказала Принцесса: и не удивительно, что онъ столько разуменъ. Какъ скоро придворные госпожи увидѣли, что Королева хотѣла надъ иностранцомъ чрезъ то насмѣяться, то всѣ начали его по залѣ кругомъ вертѣть. Ахъ! сказалъ карло съ превеликимъ гнѣвомъ: кляпусь честію, что я сіе вамъ отмщу. У меня пятьдесятъ тысячь человѣкъ здѣсь въ близости находятся, и такъ я все пожгу и порублю, ежели не выдадите за меня Принцессу.

Изрядно! спокойно сказала Королева: пока твои войска изготовятся, а ты между тѣмъ поди поужинай съ моими домашними. Пажи мои будутъ тебя оберегать. По симъ словамъ повели мы маленькаго

Госу-

Государя, и шутя кулаками его били; токмо онъ съ нами ужинать не хотѣлъ. Онъ порядочно свернулъ свою епаньчу, и вмѣстѣ съ короною положилъ въ карманъ, а самъ изъ городу скрылся.

О семъ приключеніи долго при Дворѣ смѣялись; но по прошествіи осьми дней, съѣстные припасы стали очень дороги, и пріѣжжающіе на рынокъ мужики объявляли, что они видѣли всѣ окружныя земли въ десяти миляхъ совсѣмъ разоренными; а наипаче въ поляхъ ни одной горошинки сыскать было не возможно. А какъ вспомнили, что Фелея въ присутствіи Короля Дондена великую охоту къ сему кушанью оказывала, то сіе остроумнѣйшихъ заставило думать, что сіе онъ чинитъ въ отмщеніе.

Чрезъ нѣсколько дней то, о чемъ думали, оказалось правдою; и мы увидѣли, что подъ наши валы приступило многочисленное войско. Всѣ походили на тѣхъ трехъ иностранцовъ, которые намъ на дорогѣ попались.

Въ городѣ находились въ превеликомъ страхѣ: съѣстныхъ припасовъ недоставало, а для войны сея никакой предосторожности не употребили. Кушанья Королевѣ только на пяти блюдахъ подавали; а по три, или по четыре блюда у партикулярныхъ людей готовили. Не возможно было показывать своихъ уборовъ на гульбищахъ,

которыя обыкновенно внѣ города чинились. И такъ принуждены были довольствоваться балами и комедіями. Между тѣмъ Принцесса о мирѣ и слышать не хотѣла, а наипаче, что оной съ такимъ договоромъ заключить было должно, чтобы ей выти за Дондена за мужъ. И такъ положили, чтобъ до конца чинить храброе сопротивленіе.

Наши героини чинили многія на непріятелей вылазки; и хотя Донденцы по большой части имъ только по поясъ были; но со всемъ тѣмъ всегда онѣ съ урономъ назадъ отступать принуждены были. Въ семъ общемъ смятеніи Фелея въ отчаяніе приходила, что никакихъ отъ васъ извѣстій не получаетъ. Она скрытно отправила трехъ своихъ пажей, какъ и меня, и послала насъ въ разныя стороны, чтобы васъ сыскать. Я васъ описывалъ всѣмъ, которые со мною встрѣчались; спрашивалъ у нихъ: не видалиль они васъ? Одна только деревенская дѣвушка вчерась мнѣ сказала, что она васъ знаетъ; и велѣла всегда мнѣ къ западу подвигаться, и увѣряла, что я по тому найду васъ конечно. Я не могу довольно изъяснить радости, которую я теперь чувствую отъ того, что она меня не обманула. Подите свобождать Принцессу, и отмстите сопернику такъ страшному, каковъ Донденъ.

Пре-

Пренаній спокойно слушалъ, что Ажисъ разсказывалъ; но понеже отъ разныхъ предметовъ всякъ тронутъ бываетъ, то его одно только обстоятельство побудило. Какъ! сказалъ онъ, Фелея не можетъ кушать гороху? А какъ много она его любитъ! Вы мнѣ теперь то сказали, что меня пуще всего опечалило. Это сущая правда! сказалъ пажъ: и время то пройдетъ, а она удовольствія имѣть не будетъ, чтобъ онаго отвѣдать. Я для нее его понесу, сказалъ Принцъ (ибо онъ зналъ, какое дѣйствіе произходитъ въ женскихъ сердцахъ, когда въ желаніяхъ ихъ нѣкоторое удовольствіе бываетъ). Мы его купимъ въ первой деревнѣ, и я на зло всѣхъ Донденцовъ вручу ей одной. Пойдемъ, и теперь же понесемъ, сказалъ Принцъ, и свободимъ Амазонію.

Между тѣмъ, сказалъ Ажисъ, не надобноль вамъ съ кѣмъ нибудь проститься въ семъ городѣ? ибо вы изъ него уѣжжаете. Поистиннѣ не съ кѣмъ, сказалъ Принцъ. Сверьхъ же того сіе намъ сдѣлаетъ остановку. Какъ же, отвѣчалъ пажъ, это будетъ очень не учтиво. Изрядно! сказалъ Пренаній; сіи люди прославляютъ себя тѣмъ, чтобъ ничего не знать; и такъ надлежитъ имъ оставить увеселеніе, которое они почувствуютъ отъ того, что не будутъ знать, куда я скрылся.

По симъ словамъ Принцъ всталъ, и пошолъ съ Ажисомъ.

Въ дорогѣ спрашивалъ у пажа, не очень ли далеко отстоитъ Амазонія отъ того мѣста, гдѣ они находятся, и не надобноль будетъ проходить чрезъ ужасныя пустыни? До городу не больше тритцати миль отсюда, отвѣчалъ Ажисъ. Ежели же вамъ случилось чрезъ пустыни итти, то вы шли не тою дорогою. Дорога та очень хороша, по которой я сюда шелъ. По ней находятся лѣса, фонтаны и нѣсколько деревень, въ которыхъ можно останавливаться.

Я сему очень радъ, сказалъ Пренаній; мнѣ весьма было трудно, когда я сюда шелъ, пробираясь чрезъ ужасныя пустыни. Спустя нѣсколько времени, пришли они въ одну деревню, гдѣ отдыхать стали. Принцъ купилъ тутъ полчетверика зеленаго гороху, которой по карманамъ у себя разсыпалъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯНАДЕСЯТЬ.

Что встрѣтилъ Пренаній при возвращеніи въ Амазонію.

Какъ скоро Пренаній и Ажисъ отъ деревни, въ которой они отдыхали, изъ виду вышли: то пришли они въ большой лѣсъ, въ которомъ деревья отъ великаго солнечнаго зною защищали. Трава въ тѣ-

ни

ни густыхъ листовъ всегда зелена и свѣжа пребывала, цвѣты полевые сообщали свою финифть къ сей нѣжной зелени. Тишина, которая въ сей прекрасной странѣ царствовала, пресѣкалась только отъ шуму листовъ, въ которые зефиры дули, и отъ пѣнія весною возбужденныхъ птицъ.

Какаяжъ разность, сказалъ Пренаній съ радостію, между пріятными сими тѣньми и ужасными горами, которыя мнѣ попадались, какъ я шелъ изъ Амазоніи! Дороги, которыя ведутъ къ любезному предмету, бываютъ наполнены веселостьми; а тѣ, кои отъ того удаляютъ, всегда бываютъ очень трудны.

Путешественники наши шедъ нѣсколько времени, услышали шумъ одного ручья, которой скоро ихъ къ себѣ привлекъ. Они увидѣли, что вода онаго была чище хрусталя, и падая съ горы, производила шумъ, которой имъ былъ слышенъ. Тутъ усмотрѣли одного мальчика въ легкомъ платьѣ, которой спалъ на травѣ раскинувшись. На боку имѣлъ онъ маленькой барабанъ, а въ лѣвой рукѣ держалъ флейту. На нѣсколько шаговъ отъ него спала тутъ же одна молодая пріятная дѣвица. Свѣтлые ея волосы украшены были цвѣтами и каменьями; легкое ея платье являло пріятной станъ. Она оказывала нѣжную грудь, которая бѣлѣе была снѣгу; юпка ея, которая невзначай вспахнулась, оказала до

половины изрядную ногу, которая очень хорошо была обута. Подъ рукой у нее лежала подвязка, которую безъ сомнѣнія тогда она развязала, какъ ей спать захотѣлось и какъ склонилъ ее сонъ.

Принцъ и его товарищь прельстились симъ зрѣніемъ. Преванiй тихонько подвинулся къ Нимфѣ, вынулъ изъ подъ руки у нее подвязку, чего она не слыхала; и прежде самъ много ее цаловалъ, по томъ Ажису посмотрѣть далъ. Подлинно онъ въ то время позабылъ дражайшую свою Фелею. Таковы и всѣ любители! Какъ бы много любительница у нихъ въ памяти ни содержалась, а настоящiй предметъ скоро ихъ обмануть можетъ. Они не думаютъ чрезъ то быть невѣрными; но разсуждаютъ, что ежелибъ сея отрады сердцу не было, то бы и отъ свѣту удалиться надлежало. Но ежелибъ они о томъ строго разсудили, конечно узнали бы то, что непростительно; и что когда уже учиненъ выборъ, то ни на кого въ свѣтѣ прельщаться не надобно.

Молодой Пажъ не меньше тронутъ былъ, какъ и Принцъ, увидя молодую сiю особу. Не возможно было отгадать, какое тогда было его намѣреніе, и что бы онъ предпріялъ; только отъ всего сердца желалъ, чтобъ тотъ мальчикъ, которой отъ нихъ недалеко спалъ, при томъ не былъ. Сердце его совѣтовало разбудить Нимфу,

но

но боялся, чтобъ ее не потерять, когда она ихъ увидитъ: и такъ надлежало довольствоваться однимъ смотрѣніемъ, что онъ и чинилъ пристальными глазами. Въ тожъ время Пренаній и онъ услышали позади себя смѣхъ и битіе въ ладоши. Они тогожъ часа оборотились, и увидѣли сатира, которой ихъ такъ устрашилъ, что они закричали. . . . Не удивляйтесь, сказалъ имъ смѣхомъ сатиръ: я на этужъ Нимфу смотрю, такъ какъ и вы. Я вамъ не мѣшаю.

По причинѣ шуму, которой произошелъ отъ разговору, Нимфа и мальчикъ проснулись. Нимфа тотчасъ стала искать своей подвязки, и увидя, что Пренаній оную держалъ, учтиво къ нему подошла, и взявъ ее изъ рукъ его съ особливою пріятностію, искусно оною подвязала ногу. Между тѣмъ Пренаній и молодой Пажъ наклонились было ей помогать, но она дала знакъ мальчику, которой при ней былъ, чтобъ онъ заигралъ.

Какъ скоро онъ только началъ, то она стала плясать съ несказанною легкостію и пригожствомъ. Пренаній и его товарищъ, увидя ее, не могли преминуть, чтобъ тутъ же вмѣстѣ не скакать, и три сатира, кои къ тѣмъ соединясь, которой прежде ихъ показался, учинили преизрядной балетъ.

Хотя

Хотя сіе плясаніе уже три раза начиналось, токмо Нимфа барабанщику знакъ дѣлала, чтобъ онъ еще продолжалъ. Принцъ тогда совсѣмъ запыхавшись, говорилъ ей: правда, что танцованіе ваше увеселительно, только трудно на васъ смотрѣть; ибо надобно въ тожъ самое время вмѣстѣ съ вами танцовать. Конечно есть нѣкоторое неизвѣстное восхищеніе, которое къ тому влечетъ; ибо я не могъ отъ того удержаться. Пожалуйте, дайте мнѣ немного отдохнуть: вамъ также, какъ и намъ, надобно успокоиться.

Я сіе охотно сдѣлаю, отвѣчала съ пріятностію Нимфа, а наипаче для вашего угожденія: чтожъ до меня принадлежитъ, я такъ много танцовать люблю, и къ тому такъ привыкла, что никогда не устану. Между тѣмъ, сказала она, перемѣня разговоры: я чувствую, что мнѣ ѣсть хочется, васъ также прошу со мною покушать. Ну! сказала она повелительнымъ образомъ сатирамъ: принесите намъ сюда холодное кушанье.

Сатиры въ тотъ же часъ изъ виду пропали и вскорѣ послѣ того опять появились съ блюдами, которыя наполнены были самыми лучшими мясами. Пирожное сдѣлано было весьма искусно; преизрядные были фрукты: принесли также плоскія бутыли, наполненныя разными винами и ликерами; разостлали они на травѣ коверъ.

Нимфа

Нимфа сѣла между Пренаніемъ и молодымъ Пажемъ; флейщикъ и сатиры сѣли напротивъ ихъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ:

Какая та была Нимфа, которая Пренанію на встрѣчу попалась; и какимъ новымъ способомъ выучила она его путешествовать.

Во время кушанья молодая Нимфа оказывала всѣ свои пріятности: разумъ ея блисталъ на разныхъ языкахъ; она говорила молодому Принцу Азиніанскимъ языкомъ, которой онъ довольно разумѣлъ. Она тому смѣялась, что всѣ прочіе, которые никогда сему языку не учились, ничего изъ словъ ихъ не разумѣли, и какъ будто бы то наилучшая была вещь въ свѣтѣ. Она наливала вина и ликеровъ молодому Пренанію и Ажису, и старалась своимъ примѣромъ возбудить и прочихъ къ веселію. Пѣла самыя лучшія и веселыя пѣсни, и показывала, что когда она уже такъ совершенно танцуетъ, то и въ прочемъ она такъ же бы исправно поступала, ежели бы то потребно было.

Пренаній и молодой пажъ очень прельстились. Чтожъ принадлежитъ до флейщика, оной не говорилъ ни слова, равномѣрно какъ и сатиры, которые довольствовались, смотря на Нимфу разпаленными глазами, кото-

которыхъ вино и ликеры еще больше возпламеняли.

Препроводя довольное время въ сихъ веселостяхъ, Нимфа приняла на себя вдругъ печальной видъ, которой помрачилъ всю радость. Она почесала лобъ однимъ пальцомъ, и сказала сатирамъ съ принужденнымъ смѣхомъ: я чувствую великую боль въ головѣ. Прошу васъ, дайте мнѣ не много успокоиться. Что жъ до васъ принадлежитъ, сказала она Принцу и его товарищу: вы останьтесь здѣсь; я дѣло до васъ имѣю. Сатиры безотвѣтно прочь пошли, и каждой изъ нихъ сдѣлалъ низкой поклонъ, шаркнувъ козлячьею своею ногою.

Какъ скоро они отошли, Нимфа приняла на себя опять всю свою прежнюю веселость. Молодой Пренаній очень тому удивлялся. Какъ это! сказалъ онъ ей: я очень опасался и думалъ, что у васъ жестокой ломъ въ головѣ. Изрядно, сказала Нимфа: будто вы не примѣтили, что сіи старые козлы меня безпокоили? Они тогда сносны, когда они надобны; а какъ скоро въ нихъ никакой нужды не будетъ, то ихъ отпускаютъ.

Сверьхъ того, сказала Нимфа, я имѣю много тайностей вамъ открыть. Сіе для васъ только, что я нахожусь въ здѣшнихъ мѣстахъ. Я знала вашу любовь къ Фелеи съ перваго пиру, когда вы были у одного молодаго Азиніанскаго Сенатора.

Мо-

Можете ли вы припамятовать объ одной молодой черноволосой дѣвушкѣ, которая тогда съ вами вмѣстѣ пѣла? Я бы конечно васъ не узналъ, сказалъ Пренаній. Вы имѣли тогда самые черные волосы: а теперь же имѣете свѣтлые и блистающіе, кои наилучшіе въ свѣтѣ. Однако и тогда я же была, отвѣчала Нимфа. Пріятность свѣтлыхъ волосъ служитъ къ лучшему притвору: съ черными волосами не имѣютъ сего преимущества.

Когдажъ я спознала вашу страсть, продолжала Нимфа, захотѣла узнать и любовницу вашу, которую я столь достойною для васъ нашла, что вознамѣрилась васъ соединить вмѣстѣ. Пока я сіе учинить опредѣляла, увидѣла, что у васъ есть соперникъ Король Донденъ, которой Принцессу вашу въ осадѣ содержитъ. Дерзновеніе сего маленькаго Монарха меня возбудило. Я намѣрена свободить вашу Принцессу, и отослать Дондена въ его государство.

Сіе легко вамъ учинить, сказалъ Ажисъ съ торопливостію: вы какъ только покажетесь Дондену, то онъ такъ вамъ обрадуется, что и Принцессу оставитъ и уступитъ ее Пренанію.

Вы разсуждаете, какъ должно пажу, сказала Нимфа съ сожалѣніемъ, и не подумаете о томъ, что вы меня больше Принцессы Фелеи поставляете; чрезъ что

вы ей самой и ся полюбовнику великую дѣлаете обиду.

Ажисъ краснѣлъ, что Нимфа любительные его разговоры приняла не ласково. Когда я увидѣла, сказала она, что Фелея васъ искать послала, я научила сего молодаго человѣка, гдѣ васъ сыскать. . . . Какъ! сказалъ Ажисъ, перервавъ ея рѣчь, такъ вы были молодою дѣвицею, которую я прошедшаго дня ввечеру видѣлъ? Ахъ! молчите, сказала Нимфа, пожавъ плечами. Я превращалась въ деревенскую дѣвушку не для того, а имѣла къ тому много другихъ тайностей, которыя вамъ не извѣстны; я и не такія еще перемѣны дѣлаю.

Вы перестанете сомнѣваться о могуществѣ моемъ, сказала она Принцу, когда узнаете, что я богиня Кабріолина, живѣйшая и искуснѣйшая изъ всѣхъ богинь, которыя ни были. Я могу превращать всѣ металлы въ золото, хрусталь и стекло въ алмазъ и въ изумрудъ. Старика сдѣлаю молодымъ, а молодаго дряхлѣе сдѣлаю его дѣдушки, не принимая для сего въ помощь себѣ волшебства, но дѣйствіемъ вышняго духа, которой меня оживляетъ. Коль велики сіи дарованія! сказалъ Пренамій; и сколь много чувствую отъ васъ одолженія, что вы оныя въ пользу мою употребить намѣрены! Токмо я умираю съ нетерпѣливости, чтобъ скорѣе увидѣть

мою

мою Принцессу. Что надлежитъ мнѣ чинить къ полученію сего благополучія?

Надлежитъ намъ сегожъ часа отправиться, сказала Кабріолина. Флейщикъ мой дѣйствіемъ своего барабана возбуждать насъ къ тому будетъ. И такъ плясавъ, прибудемъ мы въ Амазонію: намъ осталось на дорогѣ быть только пять часовъ. Я не скажу, какимъ способомъ избавлю васъ отъ Дондена; только повѣрьте мнѣ, что вы будете довольны.

Ахъ! сказалъ Ажисъ, которой боялся богини, что она его уже два раза оговаривала; простите меня, что осмѣливаюсь вамъ донести: вы увидите, что мы такъ устанемъ, что и съ мѣста не ворохнемся, какъ хорошо мы ни ѣли. Однако плясаніе на цѣлые пять часовъ, которымъ вы намъ грозите, великой голодъ намъ сдѣлаетъ: не всегда будутъ сатиры по дорогѣ встрѣчаться.

Ну! сказала богиня: естьли вы столько нѣжны, то возмите съ собою изъ корзины пряниковъ. А мы всѣ танцующія богини съ однимъ сухаремъ и двумя рюмками вина протанцуемъ пятнатцать миль сряду.

Сіи слова сказавъ, встала, и пока Ажисъ давалъ свои совѣты, то она рукою сдѣлала знакъ флейщику, которой началъ по деревенски играть; и всѣ начали дѣлать антраша, и поскакали въ Амазонію.

Они такимъ образомъ путешествовали четыре часа, и перешли болѣе двадцати миль. Наконецъ молодой пажъ задохнувшись упалъ на траву, и кричалъ, что болѣе тронуться не можетъ. Барабанщикъ пересталъ на часъ играть, и богиня съ Принцомъ остановились.

Ахъ! сказалъ Ажисъ прерывающимся голосомъ: не пойдемъ далѣе; я васъ о томъ покорно прошу, я до смерти усталъ: вижу также, что и Пренаній на силу на ногахъ стоитъ; да и флейщикъ вашъ весь въ поту.

То правда, что много мы скакали, сказалъ Принцъ: я очень желаю видѣться съ моею Принцессою, токмо лучше позже притти, нежели появиться непріятелю, потерявъ всю силу. Вы вѣрно хуже женщинъ, сказала смѣявшись Кабріолина: это для насъ игрушка, чтобъ плясать отъ пяти до девяти часовъ, да послѣ того мы еще отдыхаемъ, бѣгая вмѣсто гулянья. А понеже вы хотите остановиться, такъ мы теперь близко замка одного моего пріятеля. Не уповаю, чтобъ онъ теперь былъ дома; однако насъ и безъ него хорошо примутъ. Пойдемъ туда, сказалъ Пренаній; я думаю, что мы не далеко и отъ Амазоніи; и такъ когда мы немного отдохнемъ, то скоро и туда прибудемъ.

Амазонія, сказала богиня, не болѣе четырехъ миль отсюда: и мы туда въ пол-

полчаса поспѣемъ, ежели вамъ надобно. Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ Пренаній; это не для того, что я усталъ и что отдохнуть хочу, но только для того, что у меня зеленой горохъ въ карманѣ, которой я несу къ Принцессѣ. И по тому ежели опять такъ долго будемъ скакать, то онъ совсѣмъ завянетъ. Когда такъ, сказала богиня, то надлежитъ итти въ замокъ. Очень хорошо! отвѣчалъ пажъ; а завтра мы рано поспѣемъ, ежели порядочно пойдемъ. Танцуютъ по большой части четыре часа въ недѣлю. Ежели же всякой день столько плясать, сколь много мы нынѣ плясали: то ни одному человѣку сносно то не будетъ.

Въ тотъ часъ богиня дала было знакъ, молча, чтобъ опять заиграть; токмо пажъ успѣлъ ухватить ее за руку. Ахъ! сказалъ онъ, пойдемъ, пожалуй, порядочно до дому вашего пріятеля: положите хотя на сей часъ, что сіе-то гуляніе, гдѣ вы отдыхаете, послѣ какъ цѣлые полдни пропляшете.

Богиня на то согласилась. Мальчикъ положилъ флейту свою въ карманъ, а барабанъ закинулъ за плеча. Наши путешественники нѣсколько образумились послѣ прежней своей дороги, и скоро по томъ прибыли въ преизрядной замокъ.

ГЛАВА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Зпистныя дѣла, произходившія въ томъ замкѣ, въ которой Нимфа прибегла Пренанія; токмо не имѣлъ онъ въ нихъ никакого участія.

Когда они ко двору приближились, тогда вышли нѣкоторые изъ домашнихъ, которые богиню довольно знали, чтобъ ее встрѣтить. Я знаю, говорила имъ Кабріолина, что господина вашего нѣтъ дома; однакожъ сіе не возпрепятствуетъ намъ здѣсь ночевать: отворите намъ комнаты, и велите про насъ изготовить ужинъ.

Путешественники введены были въ большую залу, въ которой самые богатые уборы и драгоцѣнные каменья со всѣхъ сторонъ блистали. Они всѣ сѣли на большія канапе. Что же принадлежитъ до богини, которая никогда не уставала: то она забавлялась передъ зеркаломъ, которое было въ девяносто шесть дюймовъ вышиною, и поправляла новые па, которые она въ дорогѣ выдумала.

Ночь скоро наступила; зажжены были всѣ подсвѣчники, отъ которыхъ самые хорошіе рисунки и лучшее золоченіе, чемъ украшенъ былъ потолокъ, чрезвычайно блистали. Ужинъ, которой тогожъ часу изготовили, удержалъ Кабріолину отъ ея танцованія. По томъ сѣли за столъ. Пренаній думалъ только о веселіи, которое

рое чувствовалъ въ то время, когда къ любезному предмету приближался: и по тому ничего почти не ѣлъ. Чтожъ до пажа принадлежитъ, онъ великую честь воздавалъ празднику. Флейщикъ безъ памяти пилъ; а Кабріолина глодала только косточки, чтобъ хорошаго стану не испортить.

Прекрасная богиня при закускахъ еще болѣе бъ возбудила, нежели на утреннемъ банкетѣ, ежелибъ Пренаній не попросилъ позволенія итти покоиться. Богиня пріятно желала доброй ночи, и онъ отведенъ былъ въ преизрядную комнату, гдѣ легъ на постелю, и усвулъ въ размышленіяхъ о своей Принцессѣ.

Но Ажисъ, не взирая на всѣ свои безпокойства, прельстился на Кабріолинину красоту. Она ласковѣе уже принимала, что онъ ей ни говорилъ, и не какъ поутру. За иллюминованнымъ съ закусками столомъ весело ему было препровождать время съ прекрасною. Блистаніе отъ восковыхъ свѣчь возбуждало забаву, которая всегда съ вольностію произходила. Все оживлялось, и все было весело во время пріятныхъ часовъ. Не возможно, чтобы прекрасная богиня тогда непремѣнна была противъ любви достойнаго человѣка, на котораго она весь день смотрѣла. Наималѣйшія шутки со всѣми притворами очень были пріятны. Богиня, налилъ рюм-

ку, плеснула на Ажиса, а онъ обмочивъ палецъ въ своей рюмкѣ, брызнулъ на нее нѣсколько капель Шампанскаго. По томъ отиралъ у нее грудь отчасти салфеткою, а отчасти рукою; а она между тѣмъ лице у себя отирала. Вознамѣрилась его вмѣсто штрафу щекотать, а онъ хотѣлъ ей тѣмъ же отплатить; и отъ великаго смѣху лицами близко доходили. Не льзя было тогда богинѣ того скрыть, что она въ себѣ чувствовала.

Флейщикъ, которой сидѣлъ при концѣ стола, не говорилъ ни слова. Молодой пажъ выдумывалъ отчасу лучшія хитрости. Но наконецъ надобно было до утра разлучиться. Пажъ пошелъ въ свою комнату, куда его и проводили, а богиня осталась по обычаю въ замкѣ.

Ажисъ думалъ нѣсколько времени о Кабріолининой красотѣ. Наконецъ, какъ сонъ преодолѣлъ любовь, то онъ заснулъ весьма крѣпко. На другой день пробудился очень рано, принялъ намѣреніе искать богиню, чтобъ узнать, какъ много она его любитъ. Веселой и хорошій нравъ молодой богини, и небольшія попущенія, которыя она позволяла ему на канунѣ того дня при концѣ ужина, наполнили его надеждою. Въ такихъ пріятныхъ размышленіяхъ скоро онъ одѣлся, и пошелъ изъ своей горницы съ намѣреніемъ, чтобъ пересмотрѣть всѣ комнаты въ замкѣ.

При-

Пришедъ въ первую комнату, увидѣлъ барабанщика, которой совсѣмъ одѣвшись, спалъ въ покойной постелѣ и храпѣлъ изо всей силы. Онъ очень остерегался, чтобъ его не разбудить. Проклятой свистальщикъ! сказалъ онъ самъ въ себѣ, можнобъ тебѣ во весь день спать, и пустить насъ поступать по нашей волѣ. Ежелибъ онъ не боялся прогнѣвать Кабріолину, то укралъ бы флейту, которая изъ кармана у него торчала: токмо онъ ничего не сдѣлалъ; ибо не зналъ, каково то ей покажется.

Отошелъ потиху отъ флейщика, и вошелъ въ такой апартаментъ, въ которомъ много комнатъ находилось. Занавѣсы у оконъ только до половины опущены были, и не закрывали того, что наипрелестнѣйшее заключалъ въ себѣ день. Сердце его, увидя сіе, тронулось. Ахъ! сказалъ онъ самъ въ себѣ съ пріятнымъ восхищеніемъ, это конечно богинина комната: посмотрю я на любезной сей предметъ. Но можетъ быть чрезъ то привлеку я на себя ея гнѣвъ. Со всемъ тѣмъ пошелъ онъ туда такъ тихо, какъ возможно ему было. Вошелъ онъ въ одну совсѣмъ вызолоченную комнату, токмо разсматривать ее не захотѣлъ. По томъ увидѣлъ на одной маленькой, лѣтней, самой богатой и прелестнѣйшей постелѣ спящую прекрасную богиню.

Пологъ у кроваши поднятъ былъ золотыми и шелковыми шнурками на воздухъ. Короткое и легкое одѣяло, которымъ одѣта была богиня, свернулось тогда такъ хорошо, что Ажисъ прельстился. Онъ нѣсколько времени разсматривалъ сей пріятной предметъ. Но понеже одинъ онъ только при томъ находился, то отважился тронуть богиню за плечо, которое изъ постели выдалось.

Кабріолина немного отъ сна пробудилась: по томъ переворотилась и разкинула руки; чрезъ что допустила видѣть прелестную свою грудь, которой Ажисъ на канунѣ того дня очень удивлялся. Онъ на цыпочкахъ ходилъ, и не зналъ, итти ли ему вонъ. Въ то самое время богиня тихимъ голосомъ спросила, кто въ ея комнатѣ? Молодой пажъ дрожалъ, не зная, какъ она его приметъ: однако онъ скоро увѣренъ сталъ, когда богиня положила голову свою на руку, и съ пріятною усмѣшкою сказала ему: какъ! это вы Ажисъ? не думала вамъ встать такъ рано: вы вчерась мнѣ очень утруждены казались.

Прелестная Богиня! сказалъ Ажисъ, не протившесь мнѣ болѣе. То, что вы мнѣ вчерась сказали, производитъ во мнѣ крайнее въ свѣтѣ безпокойство. Все мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ понравиться; и ничто меня болѣе не опечалитъ,

какъ

какъ ежели я въ томъ успѣха имѣть не буду. Ахъ! сказала богиня усмѣхнувшись, я только шутила. Вы сами знаете, что всѣ женщины имѣютъ въ себѣ нѣкоторыя сопротивленія: но ежели я васъ въ чемъ прогнѣвала, прошу со мной помириться, сказала она, протянувъ руку. Положи, какой изволишь договоръ. Ежели я у васъ попрошу позволенія, сказалъ Ажисъ подошедъ, цаловать сію прекрасную руку, которую вы мнѣ подаете?.... Вы много вчерась ее цаловали, сказала богиня; однако и нынѣ вамъ въ томъ возпрещать не буду. Естьлибъ я дерзостнѣе былъ, сказалъ Ажисъ; а вашибъ прелестныя губы.... Не оканчивайте, сказала богиня: это никогда не дозволяется; но понеже вы молоды, и для того вамъ прощается. Такъ! вамъ надлежитъ меня простить, сказалъ Ажисъ, обнявъ ее съ превеликою радостію. Нѣтъ, сказала богиня, схватя его за руку, вашей рукѣ быть на моей шеѣ не дозволяется. Однако сядь ко мнѣ на постелю; только будь учтивъ. Мнѣ хочется спознать нѣсколько вашу поступку. Вы молоды, такъ хороши, какъ Купидонъ: объ закладъ бьюсь, что нѣкоторая Амазонская придворная старуха васъ любитъ. Вы угадали, сказалъ Ажисъ, сѣвши подлѣ богини. Фелеина мамка въ меня влюбилась; она много мнѣ ласкаетъ, беретъ на сбереженіе всѣ деньги, которыя я промышлю,

лю, и обнадеживаетъ меня, что въ одинъ день.... Ахъ! вы очень прелестны, дорогой мой Ажисъ, сказала богиня захохотавъ. Перестанемъ говорить о сей любви: я вижу, хотя вы мнѣ больше ничего о томъ не упоминаете, что въ томъ зависитъ главное ваше намѣреніе. Это правда, сказалъ Пажъ; понеже я кромѣ ее никого не видалъ, то она и первая была, которую я полюбилъ. Вы имѣете весьма нѣжное сердце, сказала богиня: я за то васъ больше почитаю. Только посмотрите на меня, сказала она, не лучшель бы вы полюбили такую молодую особу, такъ живу и веселу, котораябъ, на примѣръ, на меня походила? Ахъ! отвѣчалъ Ажисъ, взявъ за руки богиню: такая особа, какъ вы, мнѣ дорожебъ была моей жизни: я бы совсѣмъ ей отдался; и ежелибъ я зналъ, что она меня любить будетъ, ничтобъ съ моимъ благополучіемъ не сравнялось. Но посмотрите, сказала богиня, показавъ Ажису одну ногу, открытую до половины. Вы сами не догадаетесь, что совсѣмъ съ постели содвинулись, и все одѣяло за собою стащили. Простите меня, дражайшая Нимфа, сказалъ Ажисъ: сидя подлѣ васъ, самъ себя забудешь. А чтобъ проступокъ мой загладить, надлежитъ мнѣ поцаловать сію маленькую ножку, которая такъ хорошо танцуетъ. Поистиннѣ вы не очень разумны,

умны, сказала богиня: я разсержусь, ежели вы въ томъ остерегаться не будете. Понеже вы уже встали, сказала она, перемѣня рѣчи, то посмотрите, которой часъ. Близь девяти часовъ, сказалъ Ажисъ, посмотрѣвъ. Ахъ! сказала Кабріолина жалкимъ голосомъ; стоитъ ли это того труда, что я за дурачествомъ такъ рано встала? Въ комнаты мои до половины дня никто не входитъ. Вы принудите меня встать, хотя мнѣ еще и очень спать хочется. Ну, поди отсюда, сказала она, а я зазвоню, чтобъ пришли меня одѣвать. За чемъ вамъ ранѣе обыкновеннаго вставать? сказалъ Ажисъ. Вы извольте опять започивать; а я у васъ въ комнатѣ останусь и стучать не буду; а по томъ вамъ въ уборахъ помогать стану. О! сказала богиня, не за чемъ вамъ здѣсь оставаться: надобно вамъ выйти, прежде нежели сюда придутъ. Я выду, когда вамъ угодно, сказалъ пажъ. Вамъ хочется посмотрѣть, какъ я сплю, отвѣчала богиня: а я нѣсколько любопытна спробовать, будетель вы смирны. Но комната сія совсѣмъ отворена; ежели кто нибудь невзначай придетъ, что скажутъ, когда васъ подлѣ меня увидятъ? Нѣтъ! вамъ надлежитъ непремѣнно вонъ итти. Ну! сказалъ Пажъ съ торопливостію, я дверь затворю, такъ никто насъ не застанетъ. Инъ вынь уже и ключь тихонько, сказала

боги-

богиня, дабы не догадались, что вы здѣсь. Ажисъ наполненный радостію, пошелъ къ дверямъ, чтобъ заперѣть. Флейщикъ въ тужъ минуту вошелъ, имѣя всегда при себѣ барабанъ и дудочку.

У бѣднова Ажиса опустились и руки съ горести. Богиня спрашивала съ такимъ видомъ, которой значилъ, что она очень не довольна была, за чемъ онъ пришелъ? Пренаній зоветъ своего товарища, сказалъ флейщикъ съ грубостію и сдѣлавъ худое лице. А Ажису тогда оное еще хуже казалось. Онъ объ нуждѣ съ нимъ говорить хочетъ; за тѣмъ меня сюда и послалъ: а самъ его въ другую сторону искать пошелъ. Не знаешь ли, за чемъ онъ его спрашиваетъ? сказала Кабріолина съ нетерпѣливостію. Онъ хочетъ, сказалъ барабанщикъ, съ нимъ въ садъ итти, чтобъ вамъ нарвать цвѣточковъ. Провалитесь вы, сказалъ Пажъ: не можно ли того было вамъ однимъ сдѣлать? Повѣрь мнѣ, дорогой мой; поди и нарвите вмѣстѣ цвѣтковъ; богиня только розъ желаетъ, а притомъ чтобъ на всѣхъ ихъ число листочковъ было нечетъ. И такъ старайтесь прежде хорошенько перечесть, а по томъ ей принесите.

Флейщикъ пошелъ; радость и надежда раждались вновь въ сердцѣ у молодаго пажа. Но Пренаній тогда въ свою очередь явился. Простите меня, прекрасная богиня,

ня, сказалъ онъ, что безъ вашего позволенія сюда войти осмѣлился. Уже съ часъ, какъ я ищу Ажиса; и просилъ сего мальчика, чтобы ему о томъ сказалъ: однако и его я не могъ дождаться. Изрядно! сказала богиня усмѣхнувшись; такъ вы его теперь нашли сами: слѣдственно вамъ не о чемъ безпокоиться. Выговоривъ сіи слова, такъ крѣпко за снурокъ у колокольчика дернула, что думала оной отъ того перервется. Двѣ домашнія женщины вошли къ ней. Богиня отпущая трехъ молодыхъ людей, обѣщалась сама къ нимъ быть въ цвѣтникъ, какъ скоро одѣнется.

Когда они въ садъ пришли, Пренаній усмотрѣвъ печальное лице на пажѣ, и что онъ иногда плечами пожималъ, спросилъ у него: что произвело въ тебѣ такое безпокойство? Ахъ! сказалъ съ замѣшательствомъ Ажисъ: на что много говорить объ одной вещи? Однако, сказалъ Пренаній, что не въ первой ли разъ? . . . Такъ чтожъ? Оставимъ это, сказалъ пажъ, перервавъ его рѣчи, и нарвемъ богинѣ цвѣтковъ; ибо очень мало остается времени.

Ажисова досада нѣсколько миновалась; ибо онъ веселился, думая, что богиня его любитъ. Видъ пріятныхъ мѣстъ, гдѣ онъ находился, возбудилъ скоро въ немъ прежнюю его радость. Пренаній не меньше его веселился, смотря на красоту и обширность садовъ, въ которыхъ они гуляли.

Въ

въ одномъ цвѣтникѣ можнобъ пробыть цѣлой день. Разныя краски разпустившихся цвѣтовъ приводили въ удивленіе. Померанцовыя деревья бѣлы были какъ снѣгъ, и разпространяли преизрядное свое благовоніе повсюду. Статуи изъ лучшаго мармора живыми людьми казались, которыя будто бы отъ волшебства недвижимы пребывали. Наконецъ воды, которыя разной видъ представляли, мѣшали безпрестанной звукъ съ пѣніемъ множества птичекъ, кои толь разныя и хорошія краски имѣли, что казалось, будто цвѣтки въ перья ихъ какъ въ зеркало смотрѣлись.

Какъ Пренавій при гуляніи съ своимъ товарищемъ цвѣтковъ нарвали, увидѣли, что богиня изъ комнатъ на крыльцо выходитъ. Она тогда еще больше блистала, нежели на канунѣ того дня. Тонкое тѣло станъ ея изображало; юпка на ней была розовая, украшенная зеленымъ и серебрянымъ переплетомъ, у котораго висящіе цвѣты надѣты были на изумрудныя съ золотомъ пуговицы: голова ея убрана была алмазами и изъ цвѣтовъ сдѣланными пукетами, которые по плечамъ у нее висѣли. Обувь пристойна была къ ея убору, и ничего отъ пріятности наипреизряднѣйшихъ ногъ не отнимало.

Когда она вблизи показалась, флейщикъ удалился, не говоря ни слова; что Ажису, которой его терпѣть не могъ,

очень

очень было пріятно. Пренаній и молодой пажъ пошли встрѣчать богиню; каждой изъ нихъ поднесъ ей пучокъ цвѣтовъ: она приняла ихъ съ благодареніемъ. Понюхала Ажисовы; а онъ уже думалъ, что она ихъ и поцаловала. Соединивъ ихъ вмѣстѣ, пришпилила у себя на сторону, чтобъ совершить свое убранство.

Пренаній въ нетерпѣливости, чтобъ свободить свою Принцессу, спрашивалъ, скоро ли имъ ѣхать? Намъ нѣтъ нужды торопиться, сказала богиня: намъ только на полчаса дороги осталось, ежели пѣшкомъ пойдемъ; а ежели поѣдемъ въ каретѣ господина дому сего, то не болѣе двухъ часовъ проѣдемъ. Однако мы не такъ пойдемъ, какъ вчерась, сказалъ съ нетерпѣливостію пажъ. Нѣтъ! сказала богиня: эта пріятна будетъ вамъ вѣдомость, которую вамъ предвозвѣстить намѣрена. Господинъ здѣшняго мѣста имѣетъ разные экипажи, которые теперь въ моемъ повелѣніи. Мы хотя поздно поѣдемъ, такъ довольно будетъ, что въ лагерь къ непріятелю въ сумерки поспѣемъ. Я тому радуюсь, сказалъ прыгаючи пажъ, и въ послѣдній разъ я нынѣ прыгаю. Пренаній показывалъ также великую радость, слыша сію вѣдомость; ибо чрезъ то подарокъ, которой онъ несетъ къ Фелеи, не такъ изобьется.

Когда богиня съ товарищами своими въ комнаты пришла, то изготовленъ былъ обѣдъ гораздо великолѣпнѣе, нежели какъ на канунѣ того дня ужинъ, когда гости нечаянно заѣхали. День по большой части препроводили они въ наилучшихъ веселостяхъ: по томъ начали играть Медіатеръ, Кулеръ Фаворитъ, въ игру на чорныхъ тузовъ, въ маленькую собачку, въ кошку и въ другія забавныя игры; не забыли при томъ играть и коршуномъ. Богиня выиграла больше трехъ сотъ фишей, которые по большой части пажъ проигралъ: токмо богиня съ учтивости не взяла отъ него денегъ, а совѣтовала ему поберечь оныя для Принцессиной мамки.

ГЛАВА ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

Прибытіе Нимфы и Пренанія въ станъ Короля Дондена, гдѣ усматривается, что бѣдные также довольны, какъ и богатые.

Какъ солнце гораздо съ полудня сошло, вся компанія сѣла въ карету, и къ вечеру прибыли въ станъ къ Королю Дондену.

Часовые строго спрашивали, кто идетъ? Богиня отвѣчала, что она желаетъ видѣть Короля Дондена. Она представляла, что иностранцовъ, которые при

при ней въ маломъ числѣ, и безоружны, опасаться нечего. Повели богиню съ ея свитою къ стану Монарха, которой, не взирая на свое великое достоинство, самъ прежде всѣхъ изъ полатки вышелъ; ибо оная была очень низка, и только однимъ Донденцамъ къ оной подходить позволено было.

Богиня поздравила его съ храбростію, и съ геройскимъ намѣреніемъ, которое онъ предпріялъ. „ Прочіе Самодержавцы, говорила она, воюютъ и осаждаютъ города для того, чтобъ удовольствовать „ свою гордость, или жестокосердіе. Такихъ „ безчеловѣчныхъ уродовъ надлежалобъ „ удушать во младенчествѣ. Они суть „ страшилищемъ на землѣ и ужасными „ громовыми перунами, которыми немилосердые боги смертныхъ наказываютъ. „ Что же до Васъ принадлежитъ, великій „ Государь! Вы вѣку Своему много чести „ приносите; Вы сосланы съ неба къ смертнымъ вмѣсто драгоцѣннѣйшаго дара. Вы „ намѣрены овладѣть однимъ только сердцемъ и притомъ такой Принцессы, „ которая всякаго почтенія достойна. Одна „ любовь вооружаетъ Вашу руку, и единъ „ Богъ возбуждаетъ Вашу храбрость. Сколь „ похвально ваше намѣреніе и какое примѣрное Ваше предпріятіе! Мы въ сей „ преславнаго въ свѣтѣ воина станъ пришли для единаго токмо удивленія вели-

„кимъ дѣламъ, которыя съ толь благород-
„нымъ намѣреніемъ предпріяты; мы на-
„дѣемся, что милосердіе Его къ намъ
„равномѣрно будетъ, какъ и великія дѣла
„Его.„

Король польстился на поздравленіе, которое богиня безъ смѣху говорила, хотя и очень ей смѣяться хотѣлось. Государь просилъ иностранцовъ, чтобъ съ нимъ вмѣстѣ отужинали, которую честь они съ великимъ почтеніемъ приняли. Я для васъ, сказалъ Король, великаго пиру не сдѣлаю; вамъ же не безъизвѣстно, что на войнѣ пиршествъ не разбираютъ. Сверьхъ того пословица есть: *на войнѣ не бываетъ недостатку въ винѣ.* И такъ мы будемъ веселы.

Скоро по приказу Донденову подняли столъ гораздо выше прочихъ; и Король вошелъ туда съ знатными своими вельможами. Богиня ввела туда Пренанія, и молодаго пажа, а флейщикъ и безъ того отъ нея не отлучался. Ужинъ былъ поставленъ, и состоялъ изъ большой молодой индѣйки. Вотъ моя любимая пища! говорилъ Донденъ. Сказываютъ, будто мы сіе мясо любимъ отъ отца до сына, и будто отъ того мы Донденцами называемся. Принесли кувшины наполненные винами; и Король, сѣвши въ переднемъ мѣстѣ,

ствѣ, посадилъ послѣ себя богиню: прочіежъ сѣли, какъ кому прилучилось.

Вы видите, сказалъ Король, что я слово свое держу. Великаго пиру для васъ не приготовилъ: притомъ вы ко мнѣ нечаянно заѣхали, и такъ я не успѣлъ сдѣлать церемоніи; однакожъ мы наградимъ то при закускахъ. Богиня и ея товарищи, вставъ изъ за великаго стола, обнадеживали Короля, что все, чемъ онъ ихъ угощалъ, весьма ихъ удовольствовало, а флейщикъ, которой увидѣвъ, что есть, что пить, ни о чемъ больше не старался.

Во время стола Король Донденъ много хвалился благополучною жизнію, которую онъ препроводилъ, свидѣтельствуясь своими придворными, чтобъ спознать, можно ли ему совершенно жизнію ихъ похвалиться. Я не богатъ, сказалъ онъ, также и мои подданные, токмо мы сами собою довольны. Чегожъ намъ больше и желать? Фелея смертельно погрѣшаетъ, не принимая моея руки и моея короны. Ежелибъ она хорошенько съ нами согласилась, была бы самая благополучнѣйшая Принцесса на свѣтѣ.

Она не права, сказалъ Пренаній: съ любви достойнымъ человѣкомъ богатство излишняя вещь.

О! вы думаете, что я не хорошъ, отвѣчалъ Донденъ. О пріятности тѣла надлежитъ только подумать: быть такимъ, или другимъ станомъ, не все ли равно? Горбатые въ нѣкоторыхъ государствахъ не въ обыкновеніи; а прямые и высокаго возраста люди у насъ не въ почтеніи. Имѣемъ ли мы право, или нѣтъ, того ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ рѣшить не можетъ; потому что онъ въ спорѣ тѣмъ интересованъ будетъ, что конечно самъ прямой, или сутуловатой корпусъ имѣть будетъ. Ежели бы Фелея за меня вышла, имѣла бы у себя маленькаго горбатаго Принца, котораго, совершенно знаю, чтобъ она смертельно любила, и его бы лучшимъ красавцомъ въ свѣтѣ почитала: для чего бы ей не желать сего веселья?

Сіи слова такое огорченіе наносили Пренанію, что онъ отвѣтствовать не осмѣлился, дабы тѣмъ не привести Короля въ гнѣвъ.

Я вашего мнѣнія, сказала Кабріолина: ежелибъ весь свѣтъ былъ то, что нѣкоторые пригожствомъ называютъ: то бы не было никакой и перемѣны. О вещахъ разсуждаютъ по сравненію. Безъ худобы лица и красоты бы не было. Люди изображаютъ великія картины, въ которыхъ тѣни въ проспектѣ такъ же похвальны и съ такоюжъ осторожностію наблюдаются, какъ и свѣтъ съ блистающими красками.

Это

Это разсужденіе справедливо, сказалъ Ажисъ. И Король, которой дѣлаетъ тѣнь въ картинѣ, которую мы здѣсь представляемъ, также хорошъ въ своемъ родѣ, какъ сія Нимфа, которая наилучшій цвѣтъ изображаетъ.

То правда, сказалъ Король: и такъ ежелибъ тотъ, котораго пригожимъ называютъ, сталъ бы себя предпочитать другимъ по той причинѣ, оноебъ было столькожъ смѣшно, какъ ежелибъ и красной цвѣтъ предпочиталъ себя черному.

Но мнѣ, сказала Кабріолина, трудно на ваше мнѣніе согласиться о богатствѣ. Великое богатство дѣлаетъ случай оказывать услуги прочимъ: отъ него раждается довѣренность, отъ которой и разумъ блистаетъ; оно также являетъ въ людяхъ видъ здравія, которой всему свѣту пріятенъ.

Я нахожу въ богатствѣ, сказалъ Король, крайнюю безполезность. Ежели мы другимъ служить не станемъ, то и обязаны никѣмъ не будемъ. Чтожъ принадлежитъ до увѣренности, которая отъ богатства произходитъ; то мы также горды, какъ и прочіе, хотя богатства не имѣемъ. Но чтожъ касается до здравія, сіе одно только неосновательное предразсужденіе. Отъ такого вина, которое въ моей землѣ находится, и отъ сего пиру я сплю такъ

изрядно, какъ будтобъ я также ужиналъ, какъ и Амазонки.

Никакого, сказалъ Ажисъ, нѣтъ тогда благополучія, когда кто спитъ. Спящій Государь не разнствуетъ отъ бѣднаго человѣка, которой также спитъ; но тогда разность покажется, когда проснется и начнетъ пить.

Какъ! сказалъ Король, которой было осердился, мое вино и тогда преизрядно, когда проснувшись станешь пить. Спросите сего щоголя, которой поконецъ стола. (Онъ говорилъ про флейщика, котораго онъ видѣлъ, что много пилъ) Не правдаль, что вино хорошо? Ахъ! сказалъ Ажисъ, вмѣсто музыканта, которой не отвѣтствовалъ; емубъ оно еще лучше показалось вчерась подъ вечеръ. Нынѣ онъ боленъ отъ того, что не дѣлалъ обычайно своего упражненія.

Все, что вамъ объявить могу, отвѣчалъ Донденъ, есть то, что мы себя любви достойными находимъ: мы сами себя почитаемъ, и тѣмъ довольны.

Не надлежитъ самому себя почитать, сказалъ Ажисъ, которой хотѣлъ спорить; нѣтъ въ томъ никакой трудности: надобно знать, не будутъ ли тому другіе смѣяться. По моему мнѣнію, сказала богиня, Король говоритъ справедливо. Къ чему то

слу-

служитъ, чтобъ прельщать другихъ и нравиться такимъ людямъ, которыхъ мы не знаемъ? Всякъ для самаго себя не лучшій ли другъ? И когда нравишся своимъ друзьямъ, не надлежитъ ли тѣмъ быть довольну? Вотъ истинныя мои мнѣнія, сказалъ Король. А когда такъ, сказалъ пажъ, то начнемъ пить, и увеселимъ чрезъ то нашихъ добрыхъ пріятелей.

Между сими разговорами молодую индѣйку со стола сняли. Подавайте, сказалъ Король, перемѣну кушанья. Повелѣніе его скоро было исполнено; и закуски, которые сперва подали, были такъ же порядочны, какъ и прочее: оныя состояли въ большомъ сырѣ и въ одномъ лукошкѣ орѣховъ. Молодой пажъ вынулъ изъ своего кармана пряники, которые онъ взялъ разставаясь съ Сатирами, и оными подарилъ Короля. Они не много изкрошились, токмо по лицу Королевскому признать было можно, что ему сей подарокъ понравился. Онъ почти всѣ съѣлъ, сказавъ съ досады, когда ничего не осталось, что они не очень хороши, и что онъ безъ оныхъ обойтись бы могъ.

Не взирая на забавы, которыя всеминутно изъ словъ и изъ пѣсенъ богининыхъ происходили, маленькой Король повѣсилъ свою голову, отъ того, что очень захотѣлъ спать. Кабріолина, которая

вознамѣрилась пробыть всю ночь за столомъ, въ томъ ему препятствовала. Какъ! сказала она, герою и воину влюбленному надлежитъ ли быть сонливу? Подумайте, что Королевскія дѣла не могутъ быть сокровенны. Ежели Принцесса узнаетъ, что вы, будучи такъ близко подлѣ ея, спали, то справедливо будетъ, когда она васъ за то любить перестанетъ. Ну, сказала она, взявъ свою рюмку, за здоровье Принцессы Фелеи. Всякъ Кабріолинѣ оказалъ справедливость, и по томъ вновь веселиться начали.

Между тѣмъ, какъ всѣ веселились, Пренаній всегда думалъ о Принцессѣ, вышелъ изъ за стола, учиня нѣкоторую отговорку, и пошелъ къ валу, откуда онъ изо всей своей силы стрѣлялъ изъ трубки горохомъ, которой онъ съ собою принесъ. Нѣсколько онаго попадало въ ровъ, а двѣ, или три мѣрки въ городъ долетѣли. Онъ почти всѣ свои карманы опорожнилъ, и на разсвѣтѣ у него почти ничего не осталось. Пренаній опасался, чтобъ его не увидѣли, ежели еще долѣе пробудетъ; пошелъ къ Королю, и сѣлъ опять за столъ, такъ что никто не догадался.

Какъ скоро разсвѣло, Амазонки пошли брустверъ осматривать, чтобъ узнать, не учинилиль непріятели въ ночи какого предпріятія, и усмотрѣли, что горохомъ

было

было усыпано. Немедленно побѣжали увѣдомить о томъ Фелею, которая сама пришла смотрѣть сего чрезвычайнаго приключенія. Всѣ по одной горошинкѣ собрали; и послѣ, какъ ихъ изрядно перемыли, приготовили къ обѣду цѣлое блюдо про Принцессу.

Никто не могъ спознать, кѣмъ горохъ былъ насыпанъ. Нѣкоторые почитали сіе за чудо: другіе думали, что то была шутка Короля Дондена; а иные сказывали, что онъ тѣмъ Принцессу дарилъ только для того, что она болѣе сожалѣть будетъ, какъ у нее онаго больше не станетъ, когда употребитъ его въ одинъ разъ. Одна только Фелея, которая справедливо угадала: ахъ! сказала она своей мамкѣ: увидѣвъ горохъ, вспомнила я Пренанія, которой знаетъ, что я оной очень люблю; и такъ конечно онъ въ здѣшнихъ мѣстахъ находится.

ГЛАВА СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Способъ побѣждать непріятелей безъ бою. Нимфа оставляетъ Пренанія, одержавъ побѣду.

Между тѣмъ солнце простерло лучи свои до стана, въ которомъ Король Донденъ дремля еще за столомъ находился. Однако говорилъ богинѣ, что онъ всеконечно

но спать пойдетъ. Я съ вами въ томъ согласуюсь, сказала Кабріолина: только одной сей у васъ милости прошу, чтобъ мало послушать преизряднаго флейщика, котораго я привезла съ собою, и посмотрите, какъ я по барабанному бою танцовать стану; а какъ скоро то окончится, то извольте опочивать итти. Не возможно вамъ ни въ чемъ отказать, сказалъ Король; однако думайте, что я очень нѣженъ. Тотчасъ богиня дала знакъ рукою мальчику, у котораго барабанъ и флейта дѣйствовать скоро начали.

Какъ только Ажисъ увидѣлъ, что богиня знакъ рукою сдѣлала, и что проклятой барабанщикъ хочетъ начинать, бросился вонъ изъ палатки, и ушелъ въ городъ, гдѣ часовые, узнавъ его, свободно пропустили.

Между тѣмъ Кабріолина прежде одна протанцовала минаветъ, на что Король прельстясь, не отдохнувши самъ къ Пренанію жестокою деревенскою пляскою въ глаза заскакалъ. Но богиня подхватила его тогда за руку; что больше хромаго Короля ободрило, которой противъ всей своей воли заскакалъ еще сильнѣе. Всѣ его придворные ему подражали, такъ что чрезъ четверть часа все войско заплясало. Главные и подчиненные, не знавъ о чемъ, какъ сумасшедшіе скакали. Амазонки, увидѣвъ

дѣвъ съ брустверовъ сіе позорище, чрезвычайно удивлялись: но Ажисъ, которой къ нимъ же прибѣжалъ, зажавъ у себя уши, боялся, чтобъ не услышать безщастнаго флейщика. Ажисъ ихъ очень обрадовалъ, истолковавъ имъ дѣйствіе флейты, отъ которой Король и вся его армія плясали. Я, сказалъ онъ имъ, танцовалъ четыре часа такимъ образомъ; и мы въ то время больше двадцати миль перепрыгали. Я думалъ умереть отъ того, сколь ни крѣпки ноги у меня были. Повѣрьте, что ежели хромой Король отъ великой усталости не умретъ, то неотмѣнно такъ занеможетъ, что впредь нападать на насъ не захочетъ.

Простое приключеніе сего танцованія, въ которомъ пятьдесятъ тысячь горбатыхъ вмѣстѣ скакало, разпространилось по всей Амазоніи: народъ на брустверъ бѣжалъ въ великомъ множествѣ, и съ веселіемъ смотрѣлъ, что войско отъ городу удалялось. И дѣйствительно, всѣ Донденцы, припадая на лѣвую ногу, которая была короче, всегда въ ту сторону подавались, и противъ желанія своего возвращались по пути въ свое государство.

Амазонки скоро ихъ изъ виду потеряли; а Кабріолина, отъ которой Король не отставалъ, вела войско такъ проворно, что меньше, нежели въ семь часовъ перешли

шли они болѣе тритцати миль. Дорога усыпана была солдатами, которые уставъ замертво попадали; ибо меньше имѣли силы противъ своихъ товарищей. Превавій сей урокъ предъ двумя днями выучилъ, и трепеталъ отъ радости, думая, что свободитъ свою Принцессу. По чему и не уставалъ, также какъ и богиня. Но наконецъ Донденъ, потерявъ всю силу, упалъ отъ слабости на землю. Ахъ, прекрасная Нимфа! сказалъ онъ издыхая, оставимъ сіе упражненіе. Я васъ о томъ покорно прошу: я радъ бы со всею моею охотою далѣе вамъ слѣдовать, только нѣтъ больше у меня мочи; и отъ того мнѣ больше шести недѣль не льзя будетъ ворохнуться. Я думала васъ тѣмъ увеселить, сказала богиня, приказавъ перестать флейщику. Фелея очень любитъ хорошихъ танцовщиковъ; мнѣ хотѣлось васъ научить сей наукѣ, которая ей столько пріятна: однако видно, что вы ея недостойны; ибо о сей дорогой наукѣ никакого понятія не имѣете. Не приходите опять никогда въ Амазонію, сказала она съ гордостію; или повѣрьте, что вторично танцовать васъ заставлю.

Король видѣлъ, что Нимфа надъ нимъ смѣялась, но силы у него столько не было, чтобъ ей отвѣтствовать, а тѣмъ меньше, чтобъ ее отъ того удерживать.

И

И такъ Кабріолина, Пренаній и флейщикъ свободились отъ бѣдныхъ сихъ горбатыхъ безъ всякаго препятствія, и пошли въ Амазонію.

Какъ они нѣсколько отошли, легли на траву отдохнуть въ тѣни подлѣ маленькаго лѣсочка, которой на дорогѣ имъ попался. Пренаній съ великою учтивостію благодарилъ Нимфу за услугу, которую она ему оказала. Я отъ природы благодѣтельна, сказала богиня, а наипаче пекусь о молодыхъ любителяхъ. Я васъ въ состояніе привела успокоить гнѣвъ Королевы Амазонской тѣмъ, что чрезъ васъ столица ея свободилась опасной осады. Она не откажетъ вамъ въ наградѣ за толь великую услугу. Но я ничего вамъ больше сдѣлать не въ состояніи. Мнѣ надлежитъ съ вами разстаться, дорогой мой Пренаній. Какъ! вы хотите меня оставить, сказалъ Принцъ, прежде возвращенія моего въ Амазонію? Что со мною будетъ, когда я одинъ безъ вашей помощи останусь? Вамъ здѣсь не о чемъ сомнѣваться, сказала Кабріолина. Хотя вамъ нѣкоторые изъ войска Донденова и попадутся, но никто васъ не почтетъ сего Короля непріятелемъ. По отлученіи вашемъ изъ Амазоніи вы платье перемѣнили, и почти другимъ языкомъ говорите; слѣдственно вамъ не чего опасаться. Что до меня принад-

надлежитъ, нужное дѣло влечетъ меня въ другія мѣста. Прощай, дорогой мой Пренаній; могу васъ искренно увѣрить о щастливой вашей судьбинѣ съ Фелеею; вамъ не надобно отчаяваться, что меня еще не увидите. Выговоривъ сіи слова, дала руку молодому Принцу, которой ее съ пріятностію поцаловалъ. Кабріолина взяла по томъ палочку, которою флейщикъ билъ по барабану, ударила его по плечу, и оба вмѣстѣ невидимы стали.

ГЛАВА ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Нещастіе, которое приключилось Пренанію отъ его неосторожности, и какимъ образомъ попался онъ въ такое государство, гдѣ жили старухи.

Пренаній одинъ остался. Хотя и утрудился онъ своею побѣдою, однако тысяча пріятныхъ мыслей воображались въ его разумѣ. Онъ представлялъ себѣ ту радость, которую Фелея, увидѣвъ его, почувствуетъ; льстилъ себѣ, что изрядно будетъ принятъ Королевою, и что она не въ состояніи будетъ отказать ему награду, которой онъ у нее потребуетъ. Между сими пріятными размышленіями овладѣлъ сонъ его чувствами.

Проснувшись ужаснулся, видя себя между десятью, или двѣнатцатью Донденцами,

цами, которые, кругомъ на травѣ сидя, пирогъ ѣли. Однако онъ по томъ увѣрился, разсудя, что ежелибъ они хотѣли ему зло сдѣлать, не дожидались бы его пробужения. И дѣйствительно одинъ изъ нихъ, которой казался быть знатнѣе прочихъ, сказалъ учтиво Пренанію: каковъ вамъ, другъ нашъ, хорошъ ли сонъ видѣлся? Мы васъ дожидались, и пить не переставали: не изволитель и вы также отвѣдать нашего кушанья? Пренаній былъ тогда голоденъ, принялъ предложеніе хромоногаго за благо, и придвинулся къ компаніи. Между тѣмъ какъ онъ очень проворно ѣлъ, одинъ изъ Донденцовъ со смѣхомъ ему сказалъ: (*) вертуша! какъ вы глотаете? Кажется будтобъ и вы также плясали, какъ мы: столько вы голодны! Пренаній притворился, будто того не знаетъ, о чемъ онъ говорилъ. Чего ради разсказывали ему о прошедшемъ танцованіи, а онъ о томъ столькожъ зналъ, какъ и они сами. Онъ показывалъ видъ, будто сердился на богиню, объявляя, что ежелибъ Король захотѣлъ опять возвратиться въ Амазонію для отмщенія: то онъ бы съ нимъ вмѣстѣ туда отправился. Онъ туда одинъ прибудетъ, ежели ему отправиться туда угодно покажется, сказалъ главной надъ войскомъ. Что до меня

(*) Вертуша Азіацкое слово, значащее нѣкоторое удивленіе.

принадлежитъ, ежели я въ жизнь свою тамъ побываю, то пущай навѣки танцовать меня заставятъ.

Какъ у Донденцовъ кушанье все было съѣдено, и принесенное вино выпито, каждой всталъ, чтобъ продолжать свой путь. Они спросили у Пренанія, куда онъ пойдетъ? Онъ сказалъ, что идетъ въ Амазонскую сторону. Хромые сказали, что они въ свою землю возвращаются. И такъ они прощались разставаясь какъ добрые друзья. Но по нещастію, Пренаній выдернувъ свой платокъ, выронилъ нѣсколько горошинъ, которыя у него тогда остались, когда онъ сошелъ съ Амазонскаго вала.

Тогда главной горбатыхъ спрашивалъ у него съ великимъ гнѣвомъ, что это значитъ? Пренаній покраснѣлъ въ лицѣ и перемѣнялся. Замѣшательство его то оказало. Донденъ, сказалъ главной, запрещилъ носить горохъ въ Амазонію. Конечно вы въ согласіи съ нашими непріятелями. И такъ поведемъ, сказалъ онъ своимъ солдатамъ, сего молодца къ нашему Государю. Тотчасъ всѣ горбатые бросились на бѣднаго Пренанія, которой употреблялъ всю свою возможность, чтобъ отъ рукъ ихъ свободиться. Онъ махалъ на обѣ стороны долгою своею трубкою; и конечнобъ разогналъ сихъ уродовъ, естьлибъ одинъ изъ нихъ въ задъ его копьемъ

не

не поранилъ. Пренаній упалъ безчувственъ и окровавленъ; а горбатые возгордясь своею побѣдою, продолжали путь свой къ Дондену.

Безщастной Пренаній конечнобъ жизнь свою прекратилъ, естьлибъ случай не привелъ въ сіе мѣсто нѣкоторыхъ набожныхъ мужиковъ, кои отнесли его въ находящуюся по близости деревеньку. Молодой Принцъ, пришедъ въ чувство отъ своей слабости, увидѣлъ, что лежитъ на маленькой постелѣ между десятью старухами, изъ которыхъ младшей по крайней мѣрѣ шестьдесятъ лѣтъ было.

Ахъ! сказалъ онъ слабымъ голосомъ, скажите мнѣ пожалуйте, милостивыя государыни матушки, кто меня сюда перенесъ? и увѣдомьте меня, въ какихъ я мѣстахъ обрѣтаюсь? Не безпокойся сынъ мой, сказала одна старуха, взявъ его за подбородокъ. Вы здѣсь въ безопасности, и не будете имѣть ни въ чемъ недостатка. Мы вашу рану перевязали, отъ которой не чего опасаться, и прежде трехъ мѣсяцовъ выходить станете. Какъ! три мѣсяца! сказалъ Пренаній, такъ умереть мнѣ лучше? О! не къ тому клонится, сказала другая старуха: я довольно знаю силу въ излѣченіи ранъ; а притомъ и матушка моя знавала рецептъ одной мази, которою меньше осьми дней вылѣчивала, ежели кто

порѣжется. О! такъ я имѣю право, отвѣчала первая старуха. Я также по наукѣ знаю, что такую рану долго не вылѣчить. Я видѣла въ такомъ состояніи сына одного сердечнаго моего друга, котораго и вы также знавали, сказала она одной изъ своихъ подругъ. Играли мы съ малолѣтства вмѣстѣ въ госпожу, такимъ образомъ, будто она выдала свою дочь за молодаго человѣка, котораго отецъ великое имѣлъ богатство; но не отдалъ своему сыну того, чемъ онъ при свадьбѣ наградить его обѣщалъ. Отъ чего здѣлалось, что сей молодой человѣкъ пришелъ въ превеликой непорядокъ; а о женѣ его много разныхъ слуховъ разсѣвать начали. Изъ чего явствуетъ, что много зла отъ худаго примѣру послѣдовать можетъ; ибо быть дѣвушкой, есть въ свѣтѣ великая добродѣтель. Но можетъ быть, что народъ напрасно ее винилъ, будто она была щеголиха; ибо многіе привыкли охуждать другихъ поступки, и всегда больше зла, нежели добра говорятъ, а всѣ по ненависти, которая великой хулы достойна. Но свѣтъ такъ уже сдѣланъ, и вдругъ не возможно ему перемѣниться. И такъ надлежитъ вамъ сказать, что тотъ молодой человѣкъ, о которомъ я вамъ объявляла, раненъ былъ однимъ своимъ пріятелемъ, но не упомню уже какимъ случаемъ. Ибо молодые люди не

очень

очень разумны; и по тому всегда съ ними такія приключенія случаются. Всуе стараются представлять имъ. . . . . о Боже мой! сказалъ Пренаній, чтобъ мнѣ поскорѣе умереть, или выздоровѣть, только бы вашей исторіи конецъ сдѣлать. Ну, сказала старуха, когда вы столько нетерпѣливы, такъ сей молодой человѣкъ пять недѣль выходить былъ не въ состояніи. По тому не льзя и угадывать, сказалъ Принцъ, что я три мѣсяца боленъ буду. Но не можноль меня, говорилъ онъ, какъ нибудь перенесть къ лѣкарю? Я боюсь, чтобъ васъ не обеспокоить. О! вы намъ никакого труда не дѣлаете, сказала старуха. Будьте только спокойны: все будетъ хорошо: мы съ вами вмѣстѣ будемъ сидѣть; вамъ и говорить нужды не будетъ. Акрупи, сказала она, указавъ на одну изъ своихъ подругъ, знаетъ всякія исторіи, которыя она вамъ разсказывать будетъ; напротивъ того Гризонантъ, говорила она, указавъ на другую старуху, имѣла въ свое время преизрядной голосъ; и такъ станетъ передъ вами разныя пѣть пѣсни.

Между сими разговорами ночь наступила. Старухи зажгли свѣчу: нѣкоторыя начали играть; но отъ нечаянно произшедшія ссоры чуть и остальныхъ волосъ другъ у дружки не выдрали. Акрупи уснула, разсказавъ всѣ исторіи, которыя она

знала. Гризонантъ, для увеселенія Принца, пѣла ему нѣсколько пѣсней о прибытіи одного посла; чему болѣе пятидесяти лѣтъ миновало.

Акрупи проснулась отъ вновь произшедшія ссоры между старухами о заплатѣ нѣкоторыхъ долговъ. А какъ притомъ услышала, что Гризонантъ пѣсни свои оканчиваетъ, то хотѣла разсказывать Принцу похожденія сего посла, котораго она при Дворѣ видѣла; но разговоръ пресѣченъ прибытіемъ одной молодой Арабской невольницы, которая старухамъ услуживала.

Молодая Арабка поставила столъ, которой скатертью накрыла; и поставила шесть приборовъ съ толикимъ же числомъ большихъ старинныхъ стакановъ; по томъ подала изобильной ужинъ. Женщины каждая сѣла въ свое мѣсто: но Акрупи, вмѣсто того, чтобы сѣсть на свой стулъ, гораздо въ сторону отъ него подалась, и упала на землю.

Молодая невольница сзади къ ней подбѣжала, чтобъ поднять ее подъ руки; однако старуха, будучи въ превеликомъ гнѣвѣ, такъ ее локтемъ въ брюхо ударила, что она пять, или шесть шаговъ назадъ подалась. Вы очень неучтивы, сказала сердитая Акрупи; вы никогда стула моего въ свое мѣсто не ставите: я знаю, откуда то произходитъ, сказала она пла-

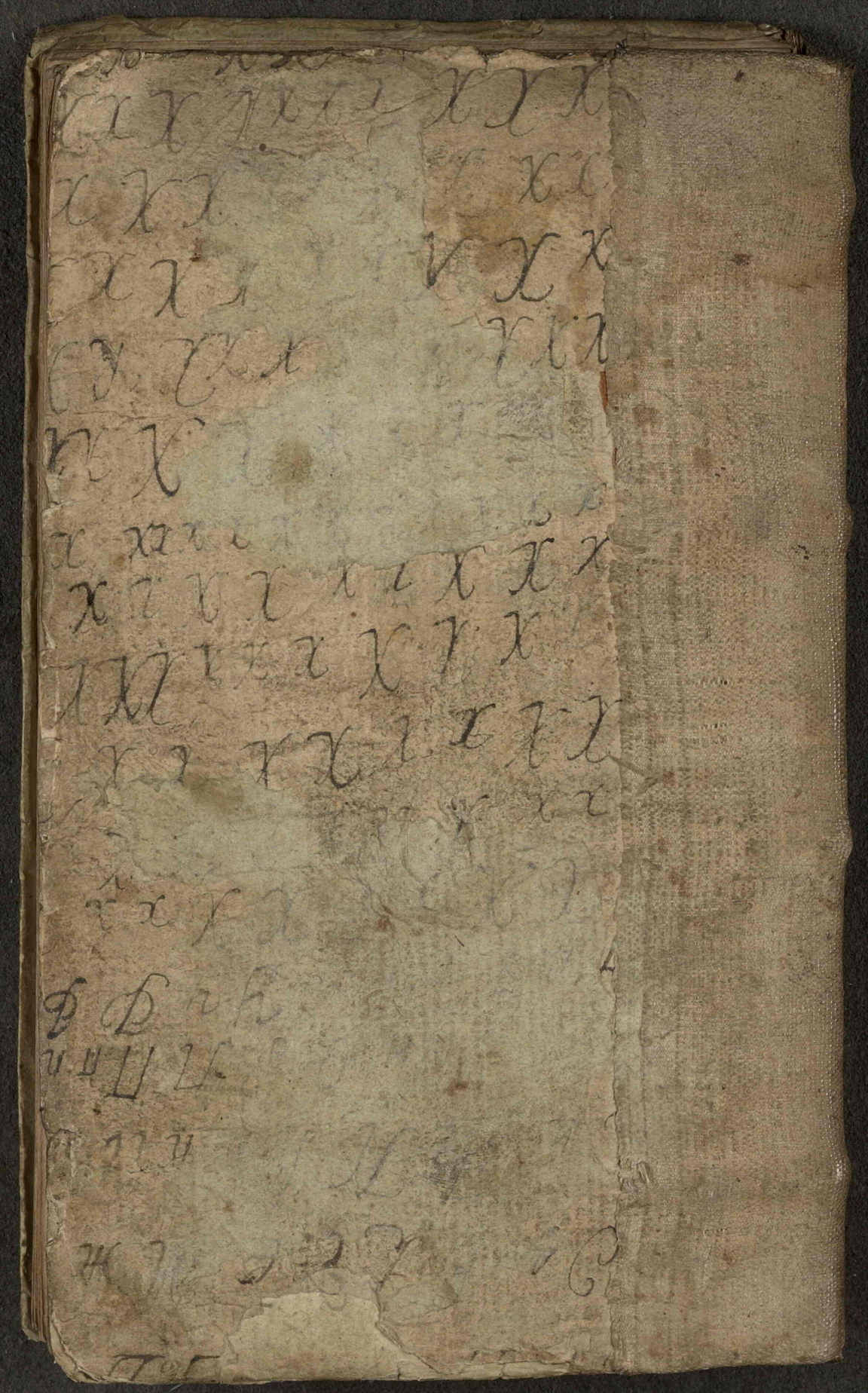
чучи,

чучи. Я нѣчто по смерти моей отказала сей бѣдной дѣвушкѣ; такъ она ужъ рада, чтобъ я поскорѣе отсюда переселилась. Вотъ такъ-то добро дѣлать неблагодарнымъ!

Наконецъ старуха насилу встала, и сѣла за столъ. Она бы не перестала браниться, ежелибъ всѣхъ старухъ не обругала за то, что вступались онѣ за Арабскую невольницу.

При концѣ кушанья развеселились онѣ, и винной паръ дошелъ къ нимъ въ голову. Всѣ онѣ вдругъ говорили; а всякая разсказывала особливую свою исторію.

Акрупи говорила о пріятной младости: сердилась, что ее не слушали; она хотѣла показать Пренанію, какъ хороша была у нее грудь въ молодыхъ лѣтахъ. И конечно бы то учинила, естьлибъ жестокой кашель ее не захватилъ, отъ котораго казалось, что она тогожъ часа издохнетъ. Пріятельницы ея вскочили, чтобъ въ томъ ей помочь. Она тогда держала свой стаканъ, которой полонъ былъ вина. Она опять его на столъ поставить не хотѣла, хотя подруги ея и жестоко кричали, чтобъ она то учинила. Она съ половину его на ту изъ нихъ выплеснула, которая у нее съ гнѣвомъ стаканъ вырывала; а та отнявъ стаканъ, остаткомъ въ лице ей плеснула:

Свирѣпая старуха не могла болѣе говорить; а хотѣла кулаками побить ту, которая ее обидѣла. Но та увернувшись, совсѣмъ столъ опрокинула; свѣча, которая также упала, погасла. Молодая Арабка, поднявъ оную, опять вздула. Всѣ пошли спать, объявя, что завтра за все заплатятъ; а молодая невольница, по приказу старухъ, осталась у Пренанія, чтобы сидѣть ночью.

Конецъ первой Части.